

Виктория Ожиганова

Виктория

18+

Виктория Ожиганова

Виктория

«Автор»

2025

Ожиганова В.

Виктория / В. Ожиганова — «Автор», 2025

С самого рождения Вике пришлось бороться за любовь и место в собственной семье. Бабушка отвергла её из-за «чужой» крови — девочка родилась от нерусского отца и была очень тёмной. Мать, подавленная осуждением родни, сначала тоже отстранилась от дочери, но со временем в ней проснулись материнские чувства. Казалось, жизнь налаживается: появился отчим, который поначалу заменил Вике отца... пока в семье не родилась младшая сестрёнка. С каждым годом одиночество сжимало сердце Вики всё сильнее. Предательства друзей, лицемерие близких, потеря любимого — она научилась прятать боль за высокими стенами молчания. Даже когда появилась та самая подруга, которая, казалось, понимала её как никто, судьба приготовила новый удар. Эта история — о девочке, которую мир пытался сломать, но не смог. О силе духа, о предательстве и надежде, о том, как найти в себе силы жить, когда, кажется, все против тебя. Книга, которая заставит вас смеяться сквозь слёзы и верить, что даже в самых тёмных туннелях есть свет.

© Ожиганова В., 2025

© Автор, 2025

Виктория Ожиганова

Виктория

"Вика. Отвергнутая"

Глава 1.

Больница. Холодный ноябрьский вечер.

Анна сжимает простыни в кулаках, стиснув зубы от боли. Роды долгие, мучительные – как будто сама судьба сопротивляется появлению этого ребёнка на свет.

– Толкайся! – кричит акушерка.

Последний надрывный крик – и в тишине раздаётся слабый плач.

– Поздравляю, у вас девочка.

Анна, измученная, но счастливая, протягивает руки. Впервые видит её. И... замирает.

Ребёнок не такой. Не розовый, не русый, не с голубыми глазами, как у неё самой. Кожа – тёплая, оливковая. Глаза – чёрные, как угольки. Волосы – тёмные, чужие.

– Это... это не моя... – шепчет Анна, но медсестра уже кладёт малышку ей на грудь.

Девочка жмурится, цепляется крохотными пальчиками за её халат. И в этот момент Анна чувствует укол нежности.

– Вика... – называет её, прижимая к себе.

Но уже через секунду взгляд падает на зеркало напротив. Там – она, бледная, светловолосая... и эта тёмная девочка, которая выглядит, как чужак. Первая мысль:

"Что скажут люди?"

Первые месяцы Анна «пытается».

Она пеленает Вику, кормит, даже целует в макушку, когда та засыпает. Но каждый раз, выходя на улицу, ловит косые взгляды.

– Ой, а это чья такая смугляночка? – ухмыляется соседка.

– Моя... – бормочет Анна, чувствуя, как горят щёки.

Мать Анны – Галина Ивановна, долго не хотела навещать дочь с внучкой. Когда она пришла в роддом забирать их, она даже просила Анну оставить Вику на лавочке в парке. Но Анна отказалась, удивляясь безумию своей матери!

– Ты что, совсем дура?! – шипит она, хватая Анну за руку. – Это же позор! Все будут показывать пальцем! Ты что, думаешь, кто-то тебя теперь замуж возьмёт?

Анна молчит, предпочла сразу же уйти из дома и поселилась с Викой в общежитии. Комната была большая, уютная и даже ремонт был достаточно неплохой.

Вике полгода. Анне с каждым днём всё сложнее было находиться рядом с дочкой. Ощущение, будто весь мир стал в темных красках. Вика плачет по ночам – как будто чувствует, что её уже не хотят.

– Замолчи! – Анна трясёт её, потом в ужасе отпускает.

Но наутро снова берёт на руки.

– Прости... мама не хотела...

Но чем больше Вика растёт, тем больше похожа на отца.

Её тёмные глаза смотрят на Анну точно так же, как его.

И однажды, когда Вика в первый раз улыбается, Анна не выдерживает.

– Не смей так смотреть! – и ударила её.

Девочка плачет. Анна плачет. Но стыд уже победил любовь.

Глава 2.

Вике 3 года. Она боится маму.

Анна не гладит её по голове, не целует.

Однажды Вика подходит обнять её, но Анна отталкивает.

– Отстань!

Девочка падает, ударяется головой об пол. Анна на секунду хочет подбежать, но... Останавливается.

– Вставай сама.

А потом, когда Вика засыпает, Анна стоит над ней и шепчет:

– Лучше бы я тебя оставила на той лавочке...

Анна работала на железной дороге – стрелочницей. Смены длинные, ноги гудят, а возвращаясь домой, она первым делом слышала:

– Мама! Я у Натальи Петровны пила чай с пирожным! А потом мы с Ленкой в классики играли!

Вика была как ветер – шустрая, громкая, вечно у всех на устах. Соседи улыбались: «Какая общительная!» Но Анну это бесило.

– Ты что, без стола останешься? Ходишь по чужим домам, как бродяга! – шипела она, дёргая Вику за руку.

Девочка замолкала, но ненадолго.

Однажды Анна принесла с работы жареную рыбу. Вика уставилась на неё, потом ткнула пальцем:

– Её надо срочно в воду! Рыбка не может дышать!

И пока мать разогревала чай, девочка стащила рыбу с блюда и – бултых! – вкинула её в аквариум.

Через час все золотые рыбки всплыли брюхом вверх.

– Ты что наделала?! – орала Анна, хватая ремень.

Вика ревела: «Я хотела, чтобы они были свободные!»

В день полочки Анна купила себе новую помаду – алую, дорогую. Спрятала в тумбочку. Но нашла её размазанной по столу.

Вика, испачканная в красном, гордо объявила:

– Я хотела, чтобы стол был красивый! Теперь у нас как в кино!

Анна дрожащими руками счищала помаду тряпкой. Потом молча отшлёпала её.

Кота Анна принесла с работы – чтобы ловил мышей.

Вика тут же «усыновила» его: назвала Барсиком, завернула в платок, как ребёнка. А потом тащила его в туалет.

– Он должен уметь плавать! Все животные должны! – уверяла она, опуская Барсика в унитаз.

Кот захлебнулся, вырвался, но Анна услышала шум, влетела и вовремя вытащила его.

– Ты – дьявол! – кричала она, трясая Вику. – Ты убьёшь всё, что любишь!

Вика плакала:

– «Я хотела, чтобы он научился плавать и мы бы потом вместе с ним ходили на реечкууу!»

Темнота. В квартире тихо, только слышно, как за окном шумит дождь. Анна ворочается с боку на бок, не может уснуть. Вдруг скрип половицы – и к кровати осторожно подкрадывается маленькая тень.

– Мам...

Анна притворяется спящей.

Теплые ладошки осторожно трогают ее лицо.

– Мам, ты меня все равно любишь?

Голосок дрожит. Анна открывает глаза. В темноте видны только блестящие детские глазки, полные слез.

Сердце вдруг сжимается.

– Дурочка ты моя... – шепчет Анна и резко прижимает дочку к себе.

Вика замирает от неожиданности, потом крепко-крепко обнимает маму за шею.

– Я тебя очень люблю, – Анна целует ее в макушку, в нос, в щеки. – Просто иногда... мама очень устает.

Вика прижимается щекой к маминому плечу.

– Я буду хорошей, правда-правда!

– Ты у меня и так самая лучшая, – Анна гладит ее по спинке. – Иди сюда, поспим вместе.

Она накрывает дочку одеялом, прижимает к себе. Вика засыпает почти сразу, уткнувшись носиком в мамину шею.

Анна долго лежит без сна, слушая ровное детское дыхание.

Наутро она будит Вику не пинком, а нежным поцелуем:

– Вставай, солнышко, в садик пора.

И впервые за долгое время улыбается.

По-настоящему...

Анна неожиданно для себя решила – сегодня они пойдут в цирк.

"Пусть хоть раз почувствует себя как все дети", – подумала она, разглядывая афишу у проходной завода.

Вика, увидев маму с билетами в руках, замерла на месте.

– Мам, это правда? Правда мы идем в цирк!?

Ее темные глазки расширились от восторга, а маленькие ладошки беспокойно сжимали край сарафана.

– Одевайся быстрее, опоздаем, – буркнула Анна, но уголки ее губ дрогнули.

В трамвае Вика не могла усидеть на месте – ерзала, рассматривала всех пассажиров, громко спрашивала:

– А клоуны страшные? А слоны большие? Мам, а они не убегут?

Анна одёргивала ее за рукав, но люди вокруг улыбались – такая заразительная была у девочки радость.

У входа в цирк Вика впервые увидела воздушные шары.

– Мам, можно? – она потянула мать за руку к продавцу.

Анна уже хотела отказать, но увидела, как загорелись глаза дочки. – Один, и все, – вздохнула она, доставая кошелек.

Вика выбрала ярко-красный шарик и тут же привязала его к своему запястью, как научила соседка Лена.

– Чтобы не улетел, – серьезно объяснила она маме.

Представление началось. Вика не отрывала глаз от арены. Когда выбежали клоуны, она хохотала так громко, что окружающие оборачивались. Когда под куполом взлетели акробаты – вцепилась в мамину руку.

– Мам, они же упадут!

– Не упадут, – впервые за долгое время Анна обняла дочь за плечи. – Они же артисты.

В антракте Вика упросила маму купить ей "ту самую розовую вату". Липкими пальчиками она отламывала кусочки и неожиданно сунула один маме в рот.

– Тебе тоже вкусно?

Анна морщилась от приторной сладости, но кивнула.

– Вкусно.

Возвращались домой уже затемно. Вика еле плелась, уставшая, но счастливая. Красный шарик покачивался над ее головой.

– Мам, а мы еще когда-нибудь пойдём в цирк?

Анна взглянула на дочь – на ее перепачканное ватой личико, на сияющие глаза – и вдруг поняла, что впервые за долгое время в ней проснулся материнский инстинкт.

– Пойдем, – сказала она твердо. – Обязательно пойдём.

И взяла Вику за руку. По-настоящему.

Не потому что надо...

А потому что захотела!

Анна долго откладывала этот визит. Каждый раз, собираясь навестить родителей, она передумывала в последний момент – представляла себе холодный взгляд матери, её сжатые губы, молчаливое осуждение. Но в этот раз что-то пересилило страх. Может быть, та самая ночь, когда Вика прошептала: *"Мам, ты меня всё равно любишь?"*, а она вдруг поняла, что не хочет, чтобы её дочь росла в тени этого вечного стыда, только потому, что она с темным цветом кожи, похожая на не русскую и не похожая на их семейство. В конце концов малышка в этом не виновата!

– Бабушка и дедушка хотят нас видеть? – спросила Вика, натягивая новое платье, которое Анна купила специально для этого дня.

– Дедушка – да, – честно ответила Анна, поправляя дочке воротничок. – А бабушка... Ну, она просто не сразу привыкает к новому.

Вика кивнула, будто поняла. Она вообще многое понимала без слов – куда больше, чем думала Анна.

Дом родителей Анны стоял на окраине, старый, с покосившейся верандой. Когда они подошли к калитке, Анна почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

Дверь открыл отец.

– Ань! – его лицо расплылось в улыбке, и он тут же присел на корточки, чтобы оказаться на уровне Вики.

– Ну, давай познакомимся, солнышко.

Вика, обычно такая бойкая, вдруг застеснялась и спряталась за мамину юбку.

– Не бойся, – засмеялся дед. – Я же не кусаюсь.

Он протянул ей маленькую деревянную лошадку – ту самую, с которой когда-то играла Анна.

– Это мне? – прошептала Вика, широко раскрыв глаза.

– Конечно, тебе!

Анна улыбнулась. Но в этот момент из кухни вышла Галина Ивановна.

Тишина...

Она даже не взглянула на Вику. Просто прошла мимо, будто той не существовало, и сухо бросила:

– Обед на столе. Садись, Аня.

Вика не понимала. Она подняла глаза на маму, потом на дедушку – и вдруг спросила громко, слишком громко для этой тяжёлой тишины:

– А бабушка меня не любит?

Стол был накрыт с холодной точностью. Всё, как любила Галина Ивановна: тарелки по линейке, ложки блестят, салфетки сложены углами. Ничего лишнего.

Вика, обычно такая непоседливая, сидела смирно, будто чувствовала – здесь нельзя шуметь.

– Как работа, Аня? – спросил отец, наливая суп.

– Нормально, – коротко ответила Анна.

– А у меня в садике рыбок новых принесли! – не выдержала Вика. – Только их нельзя кормить жареной рыбой, они тогда...

– За столом не болтают, – резко перебила Галина Ивановна, даже не глядя на неё.

Вика замолчала.

Анна сжала вилку так, что пальцы побелели.

После обеда отец увёл Вику во двор – показывать старый сарай, где когда-то держали кроликов. А Анна осталась на кухне с матерью.

– Мама, – начала она, глядя в окно, – она же просто ребёнок.

– Я видела, какая она, – холодно ответила Галина Ивановна, моя посуда. – Всё в неё от него. И цвет кожи, и глаза. Ты думаешь, люди не видят?

– Мне плевать, что видят люди!

– А мне нет! – мать резко хлопнула тарелкой о стол. – Ты испортила себе жизнь. И теперь тащишь за собой этот... этот напоминание о своей ошибке.

Анна вдруг поняла, что больше не боится. Не боится этого голоса, этих слов.

– Она не ошибка, – тихо сказала она. – И если ты не можешь принять её, то и меня тут больше не будет.

Когда они уходили, отец наклонился к Вике и прошептал:

– Приезжай ещё, ладно? Я тебе домик из палок научу делать.

Вика улыбнулась и кивнула.

Галина Ивановна стояла на крыльце, руки скрещены на груди.

– До свидания, мама, – сказала Анна. Та не ответила.

Только когда они уже вышли за калитку, Вика вдруг обернулась и крикнула:

– До свидания, бабушка!

И что-то дрогнуло в лице Галины Ивановны.

Но лишь на секунду.

– Мам, – Вика держала маму за руку, – а бабушка когда-нибудь меня полюбит?

Анна остановилась, присела перед дочкой и посмотрела ей прямо в глаза.

– Не знаю. Но это не важно.

– Почему?

– Потому что тебя и так любят. Очень-очень сильно.

И впервые за долгое время Анна поняла, что это правда.

Полная правда.

Глава 3.

То утро началось с неприятностей. Соседка Наталья Петровна, которая обычно присматривала за Викой, когда Анна была на смене, внезапно заболела.

– Прости, Аня, у меня температура, – кашляя, сказала она через дверь. – Не могу сегодня.

Анна закусил губу. Отправляться с работы было нельзя – как раз сегодня проверка, начальник и так был не в духе.

– Ладно, – вздохнула она. – Тогда Вика пойдет со мной.

Вика, услышав это, тут же подпрыгнула от радости.

– Ура! Я увижу поезда?

– Увидишь, – Анна натянуто улыбнулась. – Но ты должна вести себя тихо. Очень тихо.

Депо встретило их грохотом и гулом. Вика впервые оказалась в таком месте – огромные машины, люди в спецовках, громкие голоса. Она крепко держалась за руку мамы, но глаза её горели от восторга.

– Мам, а что это? А куда тот поезд едет? А можно потрогать?

– Вика, тихо, – Анна оглядывалась по сторонам. – Я сейчас очень занята.

Она усадила дочь на лавочку у служебного входа, сунула ей в руки книжку с картинками и бутерброд.

– Сиди здесь. Никуда не уходи. Я скоро вернусь.

Вика кивнула.

Но когда Анна, спустя полчаса, выглянула во двор, лавочка была пуста.

– Вика?

Сначала Анна подумала, что дочь просто отошла ненадолго. Но её не было ни у водонапорной колонки, ни за углом, ни у соседнего цеха.

– Вика! – её голос сорвался на крик. Коллеги, услышав переполох, бросились помогать.

– Может, к поездам пошла?

Анна побежала к путям. Сердце колотилось так, что казалось, выскочит из груди.

– Остановите движение! – закричала она диспетчеру. – Моя дочь пропала!

На станции поднялась суматоха. Поезда замерли, люди начали прочесывать территорию.

– Вика! Вика!

Но её нигде не было.

Голова кружилась. Анна уже не понимала, куда бежит. Ноги подкашивались.

– Может, домой вернулась? – кто-то крикнул ей вслед.

Общежитие было рядом. Анна, шатаясь, побежала туда.

Лифт ехал мучительно медленно. В глазах темнело, дыхание сбилось.

– Господи, только бы она была там... Но в квартире было пусто.

Анна схватилась за стену. В глазах поплыли черные пятна.

Не помня себя, она выбежала во двор. И тут...

– Мам!

Знакомый голосок.

Анна обернулась.

На лавочке у детской площадки сидела Вика... в новом платье. Розовом, с бантиками. Рядом с ней – соседка Людмила Семёновна, та самая, которая обычно ворчала на шумных детей.

– Ой, Аня, – Людмила Семёновна поднялась ей навстречу. – Мы тебя искали! Вика сказала, что ты разрешила ей пойти со мной в магазин.

Анна не могла говорить. Она просто упала на колени и прижала дочь к себе так крепко, что та заворчала:

– Мам, ты меня задушишь!

– Где ты была? – прошептала Анна.

– Я пошла к голубям, – честно призналась Вика. – А потом тётя Люда увидела меня и сказала, что я вся грязная. И повела меня домой переодеваться.

Людмила Семёновна смущённо пожала плечами.

– Ну, думаю, раз уж ты на работе, а девочка одна... Купили платьишко, мороженое...

Анна не могла сдержать слёз.

– Спасибо, – прошептала она.

Вечером, когда Вика уже спала, Анна сидела на кухне и смотрела на её новое платье, аккуратно повешенное на спинку стула.

Она вдруг поняла: мир не так жесток, как ей казалось.

Да, есть люди вроде её матери, которые отворачиваются.

Но есть и другие.

Те, кто подберёт потерявшегося ребёнка.

Кто купит ему мороженое.

Кто не пройдёт мимо.

Анна подошла к кровати, где спала Вика, и поцеловала её в лоб.

– Я тебя люблю, – прошептала она.

И впервые за долгое время эти слова не резали ей горло.

Они были правдой...

Утро началось необычно тихо. Вика, обычно такая шумная, вдруг вела себя осторожно – видимо, чувствовала, что вчерашняя история не прошла бесследно.

Анна налила чай, поставила на стол тарелку с бутербродами и села напротив дочери.

– Вика, – начала она спокойно, но твёрдо, – нам нужно поговорить о вчерашнем дне.

Вика опустила глаза, покрутила край скатерти пальчиками.

– Я не хотела...

– Я знаю, что ты не хотела плохого, – Анна сделала глубокий вдох. – Но ты понимаешь, что произошло? Ты ушла, не предупредив меня. Я не знала, где ты. Я думала... – голос дрогнул, но она взяла себя в руки. – Я думала, что потеряла тебя навсегда.

Вика подняла на маму глаза – они были полны слёз.

– Мне было страшно, – прошептала она. – Ты долго не приходила, а я хотела посмотреть на голубей...

– Вика, – Анна наклонилась к ней, – если тебе страшно или скучно, ты должна сказать мне. Или тому взрослому, с которым ты остаёшься. Но уходить без спроса – нельзя. Никогда. Ты поняла?

Вика кивнула, по щеке скатилась слезинка.

– А если я потеряюсь по-настоящему?

– Вот именно, – Анна вытерла ей слезу. – Мир большой, и в нём есть не только добрые тётки, как Людмила Семёновна. Есть и плохие люди. И если ты уйдёшь одна, я могу тебя не найти.

Вика вдруг бросилась маме на шею.

– Я больше не буду! Я обещаю!

Анна обняла её, прижала к себе.

– Хорошо. Я верю тебе. Но чтобы ты запомнила, сегодня никаких мультиков. И гулять мы пойдём только во двор, и то вместе.

Вика кивнула, прижавшись к маме.

– Мам...

– Что?

– А ты всё равно меня любишь?

Анна закрыла глаза. Вчерашний ужас снова всплыл перед ней – эти бесконечные минуты, когда она не знала, где её ребёнок. Когда мир будто рухнул.

– Да, – прошептала она. – Люблю. Даже когда сержусь. Даже когда наказываю. Всегда.

Вика улыбнулась сквозь слёзы.

– Я тоже тебя люблю.

Анна погладила её по голове.

– Вот и хорошо. А теперь доедай завтрак.

И в этот раз её слова "люблю" не были просто уступкой. Они были правдой.

Правдой, которую она наконец-то перестала бояться признать.

Глава 4.

Утро выдалось дождливым. Вика, наказанная вчерашним запретом на мультики, копошилась в углу комнаты, раскладывая кукольные платья. Анна пила кофе у окна, наблюдая, как капли стучат по стеклу. Внезапно дочка прервала её мысли:

– Мам, а ты в детстве тоже убегала?

Анна замерла с чашкой в руках.

– Почему ты спрашиваешь?

– Тётя Люда вчера говорила, что я в тебя... – Вика скривила носик, вспоминая слово, – как там... "вылитая"? И характером тоже.

Кофе вдруг показался горьким.

15-летняя Анна была кошмаром для учителей. После уроков – драки во дворе. Дневник – сплошь красные чернила замечаний. Юбка перешита короче, на глазах – первая тушь, украденная у матери.

– Опять вызывают в школу? – орал отец, доставая ремень. – Я тебя выучу, идиотка!

Удар. Ещё удар. Она не плакала.

Отца уволили с завода. Он пришёл пьяный в хлам. Мать, как всегда, сделала вид, что не замечает.

– Где мои сигареты? – рычал он.

– Не брала, – буркнула Анна, не отрываясь от учебника.

В кармане джинсов лежала пачка "Явы".

– Врёшь!

Бутылка полетела в стену. Стекло разбилось. Потом – страшный удар в висок. Она не поняла сразу, что это он швырнул пепельницу. Кровь. Крик матери. "Ты её убил!" Тёмное пятно на линолеуме до сих пор под краской. Очнулась в больнице. 3 шва на голове. Отец сидел у кровати – трезвый, с трясущимися руками.

– Ань... прости...

Она отвернулась к стене.

Но через месяц он принёс ей первый в жизни торт – "Прага", весь в кремовых розах. И новое платье, хотя зарплату ещё не дали.

– Мам? – Вика тыкала пальцем ей в колено. – Ты почему молчишь? Анна поставила чашку.

– Да, убежала. И меня наказывали. Сильно.

– Как я вчера?

– Хуже.

Вика задумалась, потом неожиданно обняла маму за талию.

– Мне не больно было. Когда ты ругалась.

Анна слотнула ком в горле.

– Потому что я не хочу быть как мой отец.

Она впервые сказала это вслух.

Вика, конечно, не поняла. Зато соседка за стеной громко закашляла – видимо, Людмила Семёновна снова подслушивала.

– Значит, – дочка подняла на неё серьёзные глаза, – когда я вырасту, я тоже буду... как ты?

Анна рассмеялась сквозь слезы.

– Надеюсь, только в хорошем.

Дождь за окном стих. Где-то на кухне капал кран – тот самый, который отец когда-то починил, пытаясь загладить вину.

После серьезного разговора и домашнего «ареста» Вика заслужила досрочное освобождение. Дождь закончился, выглянуло солнце, и Анна решила, что небольшая прогулка в парк не повредит.

– Только чур, не убегаешь! – строго сказала Анна, помогая Вике застегнуть куртку.

– Обещаю! – Вика торжественно скрестила пальцы на груди.

Парк был почти пустым – мокрые скамейки, блестящие на солнце лужи, запах свежести после дождя. Вика сразу побежала к качелям, а Анна села рядом, наблюдая, как дочка раскачивается, зажмурившись от восторга.

– Выше! Ещё выше! – кричала Вика.

Анна улыбнулась. После утренних воспоминаний о своём детстве ей вдруг стало легче. Как будто она наконец-то разрешила себе отпустить что-то тяжелое.

И тут её мысли прервал мужской голос:

– Место свободно?

Анна обернулась. Рядом стоял мужчина лет тридцати – в тёмной куртке, с книгой в руке. Карие глаза, чуть усталое, но доброе выражение лица.

– Конечно, – кивнула она, немного смутившись.

Он присел на скамейку, отложил книгу и посмотрел на Вику.

– Ваша?

– Да, – Анна невольно напряглась, ожидая очередных косых взглядов или неловких вопросов.

Но мужчина просто улыбнулся.

– Энергии у неё – на десятерых.

Анна рассмеялась.

– Это ещё мягко сказано.

– Денис, – представился он.

– Анна.

Вика, заметив, что мама с кем-то разговаривает, прыгнула с качелей и подбежала.

– А это кто?

– Вика! – Анна покраснела. – Нельзя так спрашивать!

Но Денис только рассмеялся.

– Я Денис. А ты, наверное, самая быстрая девочка в этом парке?

– Не только в парке! – гордо заявила Вика. – Во всём дворе!

Разговор завязался сам собой. Оказалось, Денис работает инженером на том же железнодорожном узле, только в другом цехе. Пришёл в парк просто подышать воздухом после смены.

– Я вас, кажется, видел, – сказал он задумчиво. – Вы на стрелочной работаете?

Анна кивнула, удивлённая, что он её заметил.

– Давно?

– Год уже.

– А я три, – он улыбнулся. – Но в офисе больше, с бумажками.

Вика, которой быстро наскучил взрослый разговор, дернула маму за руку.

– Мам, можно я покормлю уток?

Анна хотела было отказать, но Денис вдруг достал из кармана пакетик с сухариками.

– Я как раз прихватил на всякий случай. Утки здесь вечно голодные.

– Ой! – Вика схватила пакет. – Можно, мам?

Анна взглянула на Дениса, потом на дочь.

– Иди, но далеко не уходи!

Вика тут же помчалась к пруду.

– Спасибо, – сказала Анна. – Вы, кажется, знаете, как подкупить детей.

– У меня племянник такой же непоседа, – засмеялся он.

Они ещё немного поболтали – о работе, о книгах (оказалось, Денис читал ту самую, что лежала у него на коленях), о том, как странно устроена жизнь.

– Мам! – Вика вернулась, вся в каплях воды – видимо, слишком близко подошла к краю. – Утки съели ВСЁ!

– Конечно, съели, – Анна вытерла ей лицо рукавом. – Ты же их чуть ли не в рот записывала.

Денис рассмеялся.

– Ну что, команда спасателей голодных уток?

Вика засияла.

– Ты с нами?

Анна хотела было возразить, но Денис уже встал.

– Если мама не против.

И Анна... не стала против.

Они ещё час гуляли втроём. Кормили уток, катались на карусели, ели мороженое (хотя Анна сначала сказала «нет», но Денис как-то так посмотрел, что она сдалась).

Перед уходом Денис осторожно спросил:

– Может, как-нибудь ещё... прогуляемся?

Анна заколебалась. Но Вика тут же влезла:

– Да! Завтра!

– Вика! – Анна вспыхнула.

Но Денис только улыбнулся.

– Я, конечно, не против, но пусть мама решает.

Анна вздохнула.

– Ладно. Только если без побегов.

– Обещаю! – Вика скрестила пальцы на груди, как делала это утром.

Денис кивнул.

– Тогда до завтра.

Когда они шли домой, Вика спросила:

– Мам, а он хороший?

Анна задумалась.

– Не знаю. Но... вроде да.

Вика удовлетворённо кивнула.

– Мне он понравился.

Анна улыбнулась. Может, и ей тоже... Впервые за долгое время.

Денис приходил всё чаще. Сначала – с книгами для Вики (сказки с яркими картинками, потом – простенькие головоломки). Потом – с мороженым для обеих. Потом – просто так, посидеть на кухне, пока Вика рисует за столом.

– Ты же не против? – вполголоса спрашивал он у Анны, когда девочка выбегала в другую комнату.

– Нет, – краснела Анна.

Она не признавалась даже себе, как приятно было слышать его шаги в коридоре. Как тепло становилось внутри, когда он, смеясь, подкидывал Вику к потолку, а та визжала от восторга.

Он пришёл поздно. Анна открыла дверь – и сразу почувствовала запах.

– Ты... выпил?

– Чуть-чуть, – он улыбнулся виновато. – Коллеги отмечали повышение.

Он был весел, не лез с поцелуями, просто сидел на кухне, рассказывал анекдоты. Вика уже спала. Анна вздохнула:

– Ладно, но в следующий раз предупреждай.

– Обещаю.

Он принёс Вике куклу с розовыми волосами, в блёстках.

– Красивая! – завизжала та, хватая подарок.

Анна хотела отчитать его за траты, но... Вика так сияла. Только когда она убежала в комнату, Анна заметила: Денис слишком громко смеётся. И в глазах – знакомый блеск.

– Ты опять...?

– Да ладно, пару бутылок пива, – он махнул рукой. – Не устраивай сцен.

Она промолчала... Он научился маскировать. Жевательная резинка. Дезодорант. Но пальцы чуть дрожали, когда он помогал Вике собирать пазл.

– Ты в порядке? – прищурилась Анна.

– Устал просто, – он потянулся к чашке с крепким чаем.

Вика, не замечая ничего, лепила из пластилина «торт» для Дениса.

– Вот тебе вишенка! А вот крем!

– Красота, – он потрепал её по волосам. – Ты у меня самая талантливая.

Анна смотрела на них и думала: "Может, я ошибаюсь? Может, всё не так плохо?"

Правда вылезла наружу. Он забыл про осторожность. Бутылка пива в сумке, пустая, на дне – тёмные капли. Вика полезла за книжкой – и наткнулась.

– Дядя Денис, а это что?

Анна застыла у плиты.

– Это... – он резко выхватил сумку. – Пустая. Я... собирался выбросить.

Но Анна видела. Видела, как он потянулся к холодильнику вчера – за «минералкой», которая пахла совсем не водой. Видела, как по утрам его трясёт, пока он не выпьет кофе покрепче.

– Выйдем, – резко сказала она.

На лестничной клетке он не стал отрицать.

– Ну да, бывает. Но я же не бухаю в хлам! Не бью никого!

– Пока, – прошептала Анна.

– Что «пока»?

– Пока не бьёшь.

Он схватил её за руку.

– Ты что, думаешь, я... как твой отец?

Она дёрнулась – откуда он знал? Ах да, Людмила Семёновна, вездесущая...

– Уходи, – сказала Анна. Твёрдо.

– Из-за одной бутылки?

– Из-за лжи.

Дверь захлопнулась. Вика в коридоре, с куклой в руках:

– Мам, а Денис когда придёт в следующий раз?

Анна присела перед ней.

– Не скоро, ладно?

– Но он же обещал научить меня шашки играть!

– Я научу.

Вика надулась, но кивнула. А через час, когда дочь заснула, Анна плакала в подушку. Не из-за него. Из-за себя. Почему она всегда тянется к тем, кто её рано или поздно ударит?

Наутро в дверь постучали. Коробка с шашками. И записка: «Для Вики». Анна сжала записку в кулаке.

Денис стоял на пороге, переминаясь с ноги на ногу. В руках он держал не букет, а папку с документами.

– Можно войти?

Анна кивнула, пропуская его в квартиру. Вика тут же бросилась к нему:

– Денис! Ты принес мне что-нибудь?

– Принес, – он улыбнулся и достал из кармана маленькую деревянную лошадку. – Сам вырезал.

Пока Вика восхищенно разглядывала подарок, Денис глубоко вздохнул:

– Аня, мне нужно с тобой поговорить.

Они сели на кухне. Чай в кружках остывал, но ни он, ни Анна не притрагивались к нему.

– Мой контракт заканчивается, – начал Денис. – Через две недели мне нужно возвращаться домой. В Воронежскую область.

Анна почувствовала, как у нее похолодели пальцы. Она знала, что этот день рано или поздно настанет, но все равно не была готова.

– Я хочу, чтобы вы поехали со мной, – он посмотрел ей прямо в глаза. – Ты и Вика.

– Ты... это серьезно?

– Абсолютно.

Он достал из папки бумаги – выписку из банка, документы на квартиру.

– У меня там однокомнатная, не шикарно, но свое. Работа стабильная. Школа рядом.

Анна молчала.

– И... – Денис замялся, потом твердо закончил: – Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Вика в соседней комнате громко смеялась, играя с новой игрушкой.

– Денис, мы ведь так мало знаем друг друга...

– Я знаю, что ты самая сильная женщина, которую я встречал. Что Вика – удивительный ребенок. Что я хочу быть частью вашей жизни.

Он потянулся через стол, взял ее руку:

– Я бросил пить. Навсегда. Ради себя. Ради вас.

Анна смотрела на их переплетенные пальцы.

– А если не получится? Если нам там не понравится? Если...

– Тогда вернемся. Но давай хотя бы попробуем.

Перед сном Анна села на край кровати:

– Вик, как ты отнесешься к тому, если мы... поедem жить к Денису?

– В гости?

– Нет. Насовсем.

Вика села, широко раскрыв глаза:

– У него дома есть коты?

– Не знаю.

– А речка?

– Есть. – улыбнулась Анна.

– А... – она задумалась, – а он будет моим папой?

Анна замерла.

– Хочешь, чтобы был?

– Да! – Вика вдруг обняла ее. – Тогда у нас будет настоящая семья!

Ночью Анна стояла у окна, курила (хотя бросала год назад). За спиной раздался шорох – Вика ворочалась во сне. Она должна решить. За себя. За нее.

Утром она написала заявление на увольнение. А когда Денис пришел после работы, просто сказала:

– Мы едем.

Он не стал кричать от радости. Не подбрасывал Вику к потолку. Просто обнял их обеих так крепко, что Анна почувствовала – это и есть дом.

Глава 5.

Анна целый месяц готовилась к этому вечеру. Выбрала Вике новое платье, научила её правильно держать вилку, сто раз повторила:

– Никаких "хочу домой" и "мне скучно"!

Денис нервно поправлял галстук перед зеркалом в прихожей – первый раз за пять лет надел его.

– Выгляжу идиотом, – пробормотал он.

– Красавчик, – Анна поправила ему воротник, потом внезапно поцеловала в щёку.

Вика, наблюдавшая за этим, захихикала:

– Фу, взрослые целуются!

Дверь в родительский дом открыла Галина Ивановна. Взгляд её скользнул по Денису – быстрая оценка: костюм, обувь, отсутствие колец на пальцах.

– Заходите, – сухо сказала она.

Отец Анны, Николай Петрович, наливал коньяк.

– Ну, Денис, как познакомились-то?

– На работе, – Денис вежливо приподнял рюмку, но не выпил. – Я инженер на железной дороге.

– А-а, – Николай Петрович хмыкнул. – Значит, коллега.

Галина Ивановна тем временем раскладывала по тарелкам салат.

– Так вы, выходит, мою дочь забираете? В Воронеж?

– Если Анна согласится, – Денис осторожно посмотрел на неё.

– Согласится, – вдруг резко сказала Галина Ивановна. – Пусть едет.

Анна уронила вилку.

– Мам?

– Ты же сама сказала – у него своё жильё, работа. Здесь что у тебя? Общага да вечные долги.

Вика, почуяв напряжение, притихла и старательно ковыряла вилкой в картошке.

После третьей рюмки Николай Петрович кивнул Анне:

– Пойдём, поговорим.

В спальне он сразу начал:

– Мужик он ничего, но...

– Но что?

– Глаза у него нехорошие.

– Пап, что за ерунда!

– Алкоголика видно сразу, дочка. Он уже сегодня три раза в туалет ходил – попить скрытно.

Анна вспыхнула:

– Ты его впервые видишь!

– А я таких сотни видел.

Вернувшись за стол, Анна заметила: Денис осушил рюмку.

– Ну что, молодые, – Николай Петрович налил ещё. – За ваше будущее!

Денис выпил. Потом ещё. Он уже смеялся слишком громко, хлопал тестя по плечу.

– Тёща, а вы замечательная женщина! – уже совсем пьяным голосом парировал он.

Галина Ивановна сжала губы. Вика испуганно смотрела на Дениса – он стал другим. Но когда Денис полез целовать Галину Ивановну в щёку, Анна встала резко:

– Нам пора.

В такси он рухнул на сиденье, бормоча:

– Отличные у тебя родители...

Анна молчала. Вика прижалась к окну, впервые за вечер – тихая.

Дома Денис сразу повалился на кровать. Анна вышла в коридор – дрожащими руками достала сигарету. Через час он нашёл её на кухне.

– Прости.

– Ты обещал.

– Знаю. – Он сел напротив, такой жалкий. – Не знаю, как это вышло...

– Мой отец тебя раскусил с первого взгляда.

Денис закрыл лицо руками:

– Я слабый. Но я не твой отец. Я не ударил тебя. Не унизил. И поверь, никогда этого не сделаю.

– Но обманул.

Вика в дверях, в ночной рубашке, с испуганными глазами:

– Вы расстанётесь?

Анна посмотрела на Дениса. На его слёзы. На Викины дрожащие губы.

– Нет, – вдруг сказала она. – Но это последний шанс.

Денис кивнул слишком быстро. Анна увела Вику спать. А потом долго сидела в темноте, думая: "Почему любовь всегда пахнет коньяком и ложью?"

Город встретил их удушливой июльской жарой и запахом нагретого асфальта. Денис привёз их на старенькой "Ладе" к одноэтажному многоквартирному дому с общим двором в центре города.

– Ну, вот и наш дворец, – пошутил он, выгружая чемоданы.

Вика, прилипшая к окну машины всё четыре часа дороги, теперь крутила головой во все стороны:

– А где тут детская площадка? А магазин? А школа?

– Всё рядом, – Денис подхватил её на руки. – Вот увидишь, тут классно.

Анна молча несла сумки. Ей было страшно.

Квартира оказалась маленькой, но уютной. В зале – диван и телевизор, на кухне – газовая плита с чугунными блинами. Вике выделили угол в спальне – Денис заранее купил ей розовую кровать в виде кареты.

– Нравится? – спросил он.

– Класс! – Вика запрыгала на матрасе. – Теперь я принцесса!

Анна улыбнулась. Пока всё шло хорошо.

Через три дня они расписались в местном ЗАГСе. Без белого платья, без гостей. Только торт из соседнего магазина и бутылка шампанского, которую Денис не стал открывать.

– Я теперь твой муж, – сказал он, целуя Анну в губы прямо на крыльце.

Она рассмеялась:

– Поздравляю себя.

Двор был типичным для провинции: ржавые качели, песочница с осколками бутылок, которые Денис первым делом убрал, и вечно голодные коты. Вика быстро освоилась. Уже на второй день она познакомилась с соседскими мальчишками – Витькой и Петькой, которые гоняли мяч у подъезда.

– Девчонкам тут не место! – заявил Витька, когда Вика попросилась в игру.

– Я не девчонка, я футболистка! – она тут же отобрала мяч и забила между двумя кирпичами.

Мальчишки обомлели. Так началась её дворовая карьера. Но настоящая драма развернулась, когда во двор приехали две новые семьи с дочками. Лена – рыжая, веснушчатая, в мятых шортах и с коробкой мелков – сразу подошла к Вике:

– Давай рисовать на асфальте?

Они стали неразлучны. Рисовали замки, играли в "дочки-матери", строили шалаш из старых простыней. А Анжела была другой. Она приехала к бабушке из областного центра, в накрахмаленном платице и с куклой "как в Москве продают".

– У тебя волосы как у цыганки, – сразу заявила она Вике.

– А у тебя платье как у дуры, – не растерялась та.

И война началась. Анжела дразнила Вику "гадким утёнком", та в ответ обзывала её "принцессой на горошине". Однажды Анжела даже толкнула Вику в песочницу, но получила сдачи – Вика вцепилась ей в косички.

– Мама, она меня ненавидит! – рыдала потом Вика, вытирая слёзы грязным кулаком.

– Не обращай внимания, – гладила её по голове Анна. – Такие всегда есть.

Но внутри она гордилась – дочь не дала себя в обиду.

Первые два месяца пролетели как один день. Анна устроилась кассиром в местный магазин – зарплата копейки, но зато рядом с домом. Денис работал на железной дороге, приходил уставший, но трезвый. Каждое утро целовал Анну в макушку, каждые выходные возил Вику на речку. Казалось, жизнь наконец наладилась.

Весной, когда снег только сошёл, а воздух ещё пах сыростью, Анна впервые взяла в руки лопату.

– Ты уверена? – Денис скептически осмотрел заросший бурьяном участок за домом.

– А что тут сложного? – Анна ткнула лопатой в землю. – Копай, сажай, поливай.

Вика, вооружившись детской лейкой, тут же объявила:

– Я буду отвечать за воду!

Анна купила пакетики с семенами: огурцы, помидоры, морковь, укроп. На рынке старушка уговорила взять саженцы – две вишни, яблоньку, кусты смородины и малины.

– Главное – не залей, – учила соседка Ольга, наблюдая, как Анна усердно закапывает рассаду.

Ольга была её ровесницей, жила через два дома. Жена военного – высокого, статного майора с холодными голубыми глазами.

– У тебя просто руки золотые! – восхищалась Анна, глядя на аккуратные грядки Ольги.

Та лишь грустно улыбалась:

– Когда есть желание, всё получается.

Они стали дружить. По утрам пили чай на веранде у Ольги, обсуждали сорта помидоров, рецепты варенья.

– А Игорь часто дома? – как-то осторожно спросила Анна.

Ольга потупила взгляд:

– Только между командировками.

В тот же вечер Анна услышала крики из их дома. Потом – глухие удары. Она бросилась к калитке, но Денис остановил её:

– Не лезь.

– Но она же...

– Знаю. Но ты не представляешь, что тут бывает, если вмешаться.

Наутро Ольга вышла в сад в тёмных очках. Шея под шарфиком.

– Ветер, знаешь ли, пыльный, – пробормотала она.

Анна молча протянула ей свежий пирог с вишней.

К лету огород Анны расцвёл. Огурцы висели тяжёлыми гирляндами, помидоры краснели, как ёлочные игрушки. Вика таскала малину прямо в рот, пачкаясь в соку.

– Мам, мы теперь богатые? – серьёзно спрашивала она, глядя на полные корзины.

– Богатые, – смеялась Анна.

Ольга научила её консервировать. Вместе они варили варенье, солили огурцы, смеялись над своими ошибками.

– Вот бы и жизнь так же – посадил, ухаживал, собрал урожай, – вздохнула как-то Ольга.

Анна не нашлась что ответить.

В августе, когда Анна с Денисом возились с яблоками, к калитке подошёл Игорь.

– Жена говорит, вы варенье делаете. Можно рецепт? – его голос был мягким, почти ласковым.

Анна впервые разглядела его вблизи – действительно красив. Шрам на брови, прядь седых волос, военная выправка.

– Ольга внутри? – он уже тянулся к двери.

– Нет! – вдруг вырвалось у Анны. – То есть... она ушла в магазин.

Игорь замер, изучающе посмотрел на неё.

– Передадите, что заходил.

Когда он ушёл, Денис вытер пот со лба:

– Чёрт, как же я его ненавижу.

Анна молча кивнула. В тот вечер она отнесла Ольге банку нового варенья и крепко обняла её на прощание. Без слов.

Осенью, когда урожай был собран, а листья пожелтели, Ольга подарила Анне саженец розы.

– Чтобы цвёл, даже когда всё вокруг кажется мёртвым.

Анна посадила его у калитки. И стала ждать весны.

Глава 6.

Конец августа выдался душным. Воздух был густым, будто пропитанным свинцом. Анна стояла на кухне, закатывая в банки последний урожай огурцов, когда из-за стены донесся первый удар. Глухой. Тяжелый.

Она замерла, руки сами разжались – банка со звоном разбилась о пол.

– Опять... – прошептала она, но в этот раз ноги понесли её к двери прежде, чем разум успел остановить. Анна выскочила во двор как ошпаренная. В тот же момент входная дверь дома Ольги распахнулась, и та буквально вывалилась на крыльцо.

– Ольга! – вскричала Анна кидаясь к ней.

Женщина была в одном рваном халате, лицо залито кровью из рассеченной брови. Она пыталась подняться, цепляясь за перила, но её ноги подкашивались.

– Убьет... – хрипло прошептала Ольга, – Уходи... Но Анна уже рванула вперед.

Игорь стоял в прихожей, поправляя манжеты рубашки, будто только что не избивал человека.

– Анна Николаевна, – он даже улыбнулся, – К нам гости?

– Ты... тварь! – вырвалось у Анны. Голос дрожал, но не от страха – от ярости. – Мужчина так себя не ведет!

Игорь нахмурился, сделал шаг вперед.

– Тебя это не касается.

– Теперь касается!

Они замерли, измеряя друг друга взглядами. Вдруг Игорь резко развернулся, схватил фуражку со столика.

– Разбирайся со своей дурой.

И ушел, хлопнув дверью так, что стекла задрожали. Ольга была легкой, как пушинка – Анна почти на руках занесла её к себе.

– Где Денис? – испуганно озиравшись она, усаживая Ольгу на диван.

– На работе... – Анна уже несла таз с водой, тряпки, аптечку.

Ольга молчала, пока Анна обрабатывала раны. Рассечена бровь. Гематома на щеке. Синяки на руках – видно, она ими закрывалась.

– Он... ревнует, – вдруг прошептала Ольга.

– К кому?! – Анна не выдержала, так как Ольга выходила в основном из дома только в магазин, на рынок и обратно.

– К соседу. Которого нет. – усмехнулась подруга.

Анна налила ей рюмку водки – та выпила, скривившись.

– Я не могу так больше, – Ольга вдруг разрыдалась, – Но куда я денусь? У меня никого нет... И ничего...

Дверь распахнулась – на пороге стояла Вика, босоногая, в испачканном платъице.

– Мама, а почему тетя Оля плачет?

Анна резко встала, заслонив Ольгу.

– Вик, иди погуляй еще. Сейчас нельзя.

– Но она же вся в крови!

– Вика! – Тон не терпел возражений. Дочка недовольно надула губы, но вышла, хлопнув дверью.

– Останешься у нас, – сказала Анна, заматывая Ольге голову бинтом.

– Он скоро вернется... И придёт за мной!

– Пусть попробует.

Анна вдруг вспомнила, как сама когда-то лежала на полу в луже крови. Как никто не пришел.

– Я не брошу тебя.

Ольга сжала её руку. Впервые за долгие годы – не одна.

Денис вернулся с ночной смены, когда уже смеркалось. Он зашёл в дом, скидывая грязные сапоги, и сразу почувствовал запах алкоголя. На кухне сидели Анна и Ольга. На столе стояла полупустая бутылка водки, две рюмки, тарелка с солёными огурцами. Обе женщины были навеселе – Ольга, с перевязанной головой, тихо смеялась над чем-то, а Анна, раскрасневшаяся, махала руками, рассказывая историю.

– О, Дениска! – Анна улыбнулась ему, глаза блестели. – Присоединяйся!

Денис замер в дверях. Взгляд его скользнул по бутылке, потом – по лицу Ольги.

– Что случилось? – спросил он тихо.

Анна махнула рукой.

– Да так... Жизнь.

Ольга потупила взгляд, пальцы невольно потянулись к синяку на щеке. Денис понял. Он медленно подошёл к столу, взял свободную рюмку.

– Ну, раз так...

Анна не остановила его. Первая рюмка прошла молча. Денис выпил, закусил огурцом, посмотрел на Ольгу.

– Он по – любому вернётся за тобой.

Ольга вздрогнула.

– Знаю.

Вторая рюмка развязала языки.

– Я не знаю, куда мне идти, – прошептала Ольга. – Родители умерли, друзей нет...

– Останешься у нас на первое время, а там посмотрим, – твёрдо сказала Анна.

– Знаешь, Денис, – Анна облокотилась на стол, – а ты молодец, что не пьёшь... почти.

Он хмыкнул. Ольга вдруг заплакала.

– Почему все хорошие мужчины – чужие?

Денис налил ещё. Дверь скрипнула. На пороге стояла Вика – в пижаме, с растрёпанными волосами.

– Мама, я хочу пить...

Она замолкла, увидев взрослых за столом. Анна резко встала, зашаталась.

– Сейчас, дочка, я тебе водички налью...

Но Денис был быстрее.

– Пойдём, солнышко, – он подхватил Вику на руки. – Папа тебе всё сам принесёт. Он унёс её в комнату, не оглядываясь на стол с бутылкой.

Анна проснулась с тяжестью в голове. Рядом храпел Денис.

Ольги на диване не было – лишь аккуратно сложенное одеяло. На кухне лежала записка: «Ушла. Не волнуйтесь. Спасибо за всё.» Анна скомкала бумагу, выпила стакан воды. За окном светило солнце. Жизнь продолжалась.

Жаркий полдень. Денис возился у старого сарая, склонившись над разобранным мотоциклом. Руки в масле, на лбу капли пота. Вика крутилась рядом, "помогая" – подавала гаечные ключи, которые тут же роняла, и серьёзно рассматривала детали.

– Денис, а это что? – она ткнула пальцем в карбюратор.

– Это волшебная штука, без которой мы никуда не поедим, – он улыбнулся, вытирая руки о тряпку.

Вика задумалась, потом неожиданно спросила:

– А ты научишь меня на нём ездить? Когда я вырасту?

– Конечно, – Денис потрепал её по волосам. – Только это наш секрет, а то мама убьёт.

Вика захихикала, потом вдруг обняла его за шею и чётко сказала:

– Хорошо, пап, теперь у нас с тобой есть собственный секрет, который я буду хранить всегда!

Денис замер. Сердце стукнуло так громко, что, казалось, было слышно даже Вике.

– Что... что ты сказала?

– Пап, – повторила она, как будто это было самое обычное слово. – Ты же теперь мой папа, да?

Денис не сдержался – слёзы сами потекли по его грязным щекам. Он резко подхватил Вику, подбросил в воздух, заставив её завизжать от восторга.

– Да! Да, я твой папа!

Потом, не выпуская её из рук, побежал к дому.

Анна стояла у плиты, помешивая суп, когда дверь с грохотом распахнулась.

– Аня! – Денис, запыхавшийся, с мокрым от слёз лицом, поставил Вику на пол. – Она... она назвала меня...

– Папой, – серьёзно подтвердила Вика. – Ну а кто же ещё?

Анна замерла, потом медленно улыбнулась.

– Ну наконец-то. А то я уже думала, она так и будет тебя Денисом звать.

Денис снова подхватил Вику, начал кружить по кухне, пока та не закричала:

– Голова кружится!

Он опустил её, но тут же обнял обеих – и Вику, и Анну.

– Спасибо, – прошептал он. – За всё. Анна поцеловала его в щёку.

– Тебе спасибо за то, что ты есть у нас.

Вика, зажата между ними, возмутилась:

– Меня задавите!

И все трое смеялись. Смеялись, потому что теперь они были семьёй. По-настоящему.

Август выдался жарким, и подготовка к школе шла полным ходом. Анна с Викой вернулись из магазина с полными сумками: тетрадки с котятками, розовый ранец, блестящий пенал и форма – коричневое платье с белым фартуком.

– Мам, я правда буду как взрослая? – Вика крутилась перед зеркалом, примеряя новый бант.

– Самой взрослой в классе, – улыбнулась Анна, подшивая подол. Но ночью, за два дня до первого сентября, Вика приползла к родителям в кровать.

– А если меня дразнить будут? – прошептала она, зарывшись лицом в мамину шею. – Я же... не такая, как все.

Денис, проснувшись, сразу понял, о чем она – о смуглой коже, о темных глазах, о том, что в маленьком городке все знали – она «нерусская».

– Слушай сюда, – он повернул ее к себе. – Ты самая красивая девочка в школе. И самая умная. А кто ткнет пальцем – сразу скажи мне. Я с мотоциклом подъеду, они все обзавидуются! А утром завтра давай мы с тобой съездим на рыбалку, я научу тебя ловить рыбу.

Вика согласилась и засмеялась, но все равно до утра ворочалась.

– Пап, а мы правда только вдвоем? – Вика скакала вокруг мотоцикла, пока Денис проверял бак.

– Только вдвоем. – он натянул на нее детский шлем, купленный специально для этого дня. – Мама в городе, у нее дела.

Анна, стоя на крыльце, строго указала пальцем:

– Без быстрой езды. Без глупостей. И...

– Без падений, – Денис поднял руку, как на присяге. – Клянусь.

Вика влезла на бак, вцепилась в руль.

– Поехали!

Дорога пролетела как сон. Ветер в лицо, крики от восторга, деревья, мелькающие по бокам.

– Пап, я как птица! – орала Вика, и Денис смеялся, прибавляя газу.

На берегу он научил ее насаживать червяка (она брезгливо морщилась, но терпела), забрасывать удочку. Поймали три маленьких рыбки – Денис тут же отпустил их обратно.

– Зачем? – надулась Вика.

– Чтобы выросли большими. К следующему разу.

Они ели бутерброды с колбасой, запивая теплым чаем из термоса. Вика внезапно задумалась:

– Пап, а в школе будет страшно?

Денис вытер ей липкие пальцы.

– В первый день – да. Потом привыкнешь. А если что – я под окном на мотоцикле стоять буду. Пусть все видят, какой у тебя крутой папа.

Она рассмеялась, потом вдруг обняла его.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, рыбак мой.

Анна застала их спящими на диване – Вика прикорнула на Денисе, в руках еще сжимая банку с червяками «для завтрашнего дня».

– И как рыбалка? – шепотом спросила она, накрывая их пледом.

Денис, не открывая глаз, улыбнулся:

– Лучший день лета.

Завтра – школа. Потом – осень, зима, новые страхи и победы. Но сегодня они были просто папой и дочкой, у которых все получилось.

Последний августовский вечер пах спелыми яблоками и горячим асфальтом. Вика, красная от напряжения, сцепила пальцы на руле велосипеда, который Денис купил ей на день рождения.

– Не держи меня! Сама! – крикнула она Витьке, который до этого помогал держать равновесие.

Мальчишки отскочили, наблюдая, как она делает первые неуверенные обороты педалями.

– Смотри вперед, а не на колеса! – орал Петька, бежавший рядом.

Вика скрипнула зубами. Колени уже были в ссадинах после трех падений, но она не сдавалась.

– Я... сама...

Велосипед качнулся, но вдруг – чудо! – поехал ровно.

– Получилось! – завизжала она, проезжая первые пять метров.

Мальчишки зааплодировали. Даже высокомерная Анжела, сидевшая на скамейке с новой куклой, невольно улыбнулась.

– Завтра в школу, а ты все еще на велике гоняешь, – сказал Витька, когда они устроили гонки по двору.

– А я и в школе такой же буду! – Вика обогнала его, растрепанная и счастливая.

Потом были драки подушками и Вика выиграла. Потом – обливание из шланга (инициатором была она же). И наконец – торжественное "прощание с летом", когда все дети сложили в костер из сухих веток свои самые плохие воспоминания о каникулах.

– Пусть в школе будет хоть на половину так же весело, – прошептала Вика, бросая в огонь сломанный карандаш.

– Ну что, бандитка? – Денис встретил ее на крыльце, протягивая полотенце. – Готова к завтрашнему дню?

– Ага! – она вытерла грязное лицо. – Только я еще не все успела!

– Например?

– Научить Анжелу дружить. Доесть малину с куста. Достроить шалаш...

Анна, выйдя на крыльцо, покачала головой:

– Завтра новый этап. Первый класс – это как...

– Как первый раз на велосипеде, – перебила Вика. – Страшно, но если не упадешь – будет круто!

Денис рассмеялся и поднял ее на руки:

– Вот поэтому ты у нас отличницей будешь.

Ночью Вика долго ворочалась, разглядывая в темноте новый ранец. За окном пели сверчки, а где-то далеко гудел мотор – кто-то тоже не спал, провожая лето. Завтра начиналась другая жизнь. Но сегодня она еще была просто ребенком – со сбитыми коленками и мечтами о великих подвигах.

Утро 1 сентября началось с торжественного хаоса. Вика вертелась перед зеркалом, разглядывая свое отражение в новом коричневом платье и белоснежном фартуке.

– Не шевелись! – Анна, зажав в зубах резинку, старательно заплетала дочке два длинных хвостика. Черные, как смоль, волосы Вики струились почти до самых колен, а теперь, собранные в тугие косы, свисали ниже пояса.

– Мама, а я красивая? – Вика крутила головой, любуясь на себя.

– Самая красивая, – Анна приколола последний бант и отступила на шаг.

Денис, стоя в дверях с видеокамерой (которую взял напрокат специально для этого дня), просвистел:

– Ну что, первоклассница, готова покорять науку...

Улицы городка были заполнены нарядными детьми и взволнованными родителями. Вика, зажав между ладонями букет астр, шагала, стараясь не спотыкаться – новые туфли слегка натерли пятки.

– Не бойся, – Денис взял ее за свободную руку. – Ты же помнишь, что делать?

– Сказать "Здравствуйте, меня зовут Вика", не перебивать и...

– И ничего не ронять, – закончила Анна, поправляя ей воротничок.

Школьный двор гудел как улей. Старшекласники с колокольчиками, море шаров и ...

– Викулька! – Лена, ее дворовая подруга, бросилась к ним, сверкая белыми бантами.

Девочки, забыв про торжественность, начали прыгать, держась за руки, пока учительница не позвала строиться.

– Доброе утро, мои маленькие ученики!

Учительница, Лариса Ивановна, оказалась круглолицей женщиной с теплыми глазами и мягкими руками. Когда она наклонилась к Вике, та почувствовала запах ванили.

– Ой, какие у тебя чудесные волосы! – Лариса Ивановна аккуратно провела пальцами по ее косичке. – Как у Русалочки!

Вика, краснея, сунула ей букет:

– Это вам... от меня...

– Спасибо, родная, – учительница неожиданно взяла ее за руку. – Пойдем, покажу твое место.

И Вика пошла, чувствуя, как дрожит ладонь в теплой руке Ларисы Ивановны. В классе пахло мелом и новыми учебниками. Вика осторожно села за парту с Леной, оглядывая остальных детей.

– Давайте познакомимся, – Лариса Ивановна достала большую куклу-перчатку. – Это профессор Сова. Она очень стесняется, но хочет узнать ваши имена!

Когда очередь дошла до Вики, кукла вдруг "испугалась":

– Ой, а у тебя волосы как у принцессы! Ты не кусаешься?

– Нет! – рассмеялась Вика, и весь класс захихикал.

К концу урока она уже знала, что Петя сидит сзади потому что носит очки, а Маша – потому что плохо видит с дальних парт. Что учительница разрешает на перемене играть в уголке с игрушками. И что...

– Анжела?! – Вика удивленно уставилась на девочку, которая опоздала.

Та, в накрахмаленном платье и с идеальными косами, высокомерно прошла к свободной парте.

– Мы с тобой не знакомы, – прошептала она, проходя мимо. Но Лариса Ивановна, заметив это, лукаво подмигнула Вике:

– У нас все станут друзьями. Даже самые строптивые...

– Ну как?! – Денис подхватил Вику на руки, как только она выбежала из школы.

– Классно! Мы пели, нам дали медали из фольги, а завтра будем учить алфавит!

Дома Анна накрыла стол – пирог с яблоками, салат "Оливье" (Викин любимый) и бутылка шампанского для взрослых.

– За нашу умницу! – Денис чокнулся с Анной.

Вика, наевшись до отвала, засыпала за столом, так и не дождавшись торта. Родители перенесли ее на кровать, дочка крепко уснула.

– Знаешь, – Анна прижалась к Денису, они снова сидели на кухне с бокалами, – я думала, будет хуже.

– Она молодец, – он потянулся поцеловать ее. – Наследственность.

Анна засмеялась: – Ты... не пьешь?

– Не хочу, – он пожал плечами. – Хочу помнить каждый момент. Особенно такие. И в этот момент Анна поняла – их жизнь, наконец, стала такой, о какой она даже боялась мечтать. А завтра Вика снова пойдет в школу. И послезавтра. И весь год. Потому что первый шаг – самый трудный – был сделан.

Школьные будни быстро вошли в привычку. Вика с нетерпением ждала утра, чтобы надеть свою коричневую форму и белый фартук, аккуратно сложить тетрадки в розовый ранец и отправиться на уроки. Но не все в школе было так безоблачно, как казалось в первый день. Анжела, несмотря на то, что сидела за соседней партой, вела себя так, будто Вики не существовало. Но в один из дней она решила проявить себя. На перемене, когда Вика достала из портфеля новый ластик в виде котенка, Анжела громко сказала, обращаясь к другим детям:

– Интересно, почему у некоторых волосы как у цыганки? Может, они вообще грязные?

Девочки засмеялись. Вика почувствовала, как щеки наливаются жаром, но вдруг вспомнила слова Дениса: "Ты самая красивая, а кто дразнится – просто завидует".

– А у тебя волосы как солома, – спокойно ответила Вика. – Но я же не кричу об этом на весь класс.

Лена, которая сидела рядом, фыркнула. Анжела покраснела и надула губы.

– Ты пожалеешь!

На следующий день Вика обнаружила, что ее тетрадь по письму исчезла. Она уже хотела заплакать, но вдруг увидела, как Анжела хихикает, пряча что-то в свой портфель.

– Лариса Ивановна! – подняла руку Вика. – Моя тетрадь пропала.

Учительница, недолго думая, подошла к Анжеле.

– Анжела, покажи, что у тебя в портфеле.

Та замерла, но выбора не было. Тетрадь нашлась.

– После уроков мы поговорим, – строго сказала Лариса Ивановна. – А сейчас, Вика, возьми свою тетрадь и садись на место.

Вика почувствовала себя победительницей. Лариса Ивановна быстро заметила, что Вика не просто старательная ученица – она схватывала все на лету.

– Дети, посмотрите, как аккуратно Вика вывела буквы! Так что будьте добры тоже стараться! – показывала учительница тетрадь классу.

– Она уже читает по слогам! – удивлялась Лариса Ивановна на родительском собрании, обращаясь к Анне. – У нее прекрасные способности.

Анна сияла от гордости. Денис, который пришел вместе с ней, крепко сжал ее руку. Было видно, как он сияет от гордости.

Однажды вечером, когда Вика делала домашнее задание, Анна вдруг побледнела и поспешно вышла из кухни. Денис нахмурился, но ничего не сказал. Через несколько дней Вика случайно услышала разговор родителей.

– Ты уверена? – тихо спросил Денис.

– Да, – ответила Анна. – Я проверялась. Мы ждем ребенка.

Вика замерла за дверью. Ребенка? Значит, у нее будет братик или сестричка?! Она ворвалась в комнату с криком:

– Правда?! Правда у нас будет маленький?!

Анна и Денис переглянулись, потом рассмеялись.

– Правда, – Анна прижала дочь к себе. – Но это пока секрет, ладно?

– Ладно! – Вика сделала вид, что застегивает рот на замок.

На следующий день в школе Анжела снова попыталась устроить пакости. Она шептала что-то девочкам, показывая пальцем на Вику. Но теперь Вике было все равно.

– Пусть говорит, – пожалала она плечами, когда Лена спросила, не обидно ли ей. – У меня скоро будет брат или сестра, а у нее – нет. Лена округлила глаза.

– Правда?!

– Тссс! Это пока секрет!

Лариса Ивановна, проходя мимо, улыбнулась. Она все слышала.

– Вика, – подозвала она девочку. – Ты сегодня останешься после уроков? Я хочу дать тебе особое задание.

Вика заинтересовалась. Что же это будет? Лариса Ивановна после уроков посадила Вику за первую парту и достала яркую брошюру.

– В школе будет олимпиада по русскому языку для первоклашек. Я хочу, чтобы ты участвовала. Вика широко раскрыла глаза.

– Я? Но я же только буквы учу!

– А ты уже читаешь целыми словами и пишешь лучше всех в классе, – учительница положила перед ней книжку с заданиями. – Попробуешь?

Дома Вика разложила материалы на кухонном столе. Денис, вернувшись с работы, устало улыбнулся:

– Ну что, гений, готовишься к подвигу?

– Пап, сможешь? – она потянула его за рукав.

Они просидели весь вечер, разбирая заковыристые задачки. Анна готовила ужин, украдкой утирая пот со лба – последние дни её мутило по утрам, а к вечеру валяла с ног дикая уста-

лость. На работе Анна трижды ошиблась в подсчёте сдачи. Клиентка, пожилая учительница из соседней школы, покачала головой:

– Дочка, вам бы отдохнуть. Вы зеленая как огурец.

– Просто не выспалась, – заставила себя улыбнуться Анна, сжимая кулаки под прилавком.

Вечером, когда Вика делала уроки, а Денис задерживался на работе, она прилегла "на пять минут" – и провалилась в тяжёлый сон. Дверь хлопнула так, что Анна вздрогнула. В прихожей громко рухнули ботинки.

– Дома-а-а! – пьяный голос Дениса раскатился по квартире.

Вика испуганно прижалась к маме.

– Что с папой?

– Иди в комнату, – Анна поцеловала её в макушку.

Денис ввалился на кухню, размахивая бутылкой пива.

– Чего спать? Танцы танцевать будем!

– Ты же обещал, – Анна встала между ним и дверью в детскую.

– Ой, да ладно тебе! Мужики с работы позвали... – он потянулся обнять её, но она резко отстранилась.

– Пап, ты почему кричишь? – в дверях стояла Вика в пижаме.

Тишина. Денис опустил на стул, закрыв лицо руками.

– Прости...

Анна молчала весь завтрак. Денис, бледный, с трясущимися руками, трижды начинал и бросал фразы:

– Я не хотел... Это больше не... Чёрт, да я же... Ну чуть – чуть же Ань и редко, ну может хватит дуться.

Вика ковыряла ложкой в каше, украдкой глядя на родителей.

– Я сегодня олимпиаду пишу, – вдруг сказала она, чтобы разбавить обстановку.

– Мы знаем, – Анна встала, убирая тарелки. – Папа тебя проводит.

Денис поднял на неё глаза – в них стояла настоящая боль.

– Аня...

– После работы поговорим.

Лариса Ивановна встретила Вику у кабинета:

– Готова?

– Нет, – честно призналась та.

– Идеально. Самые смелые всегда так отвечают.

Анжела, проходя мимо, фыркнула и показала язык: – Тебе всё равно не выиграть цыганка.

– А тебе не помешать, – неожиданно твёрдо ответила Вика.

Два часа напряжённой работы. Странные задания про "безударные гласные" и "жи-ши". Но когда Лариса Ивановна собирала листочки, она подмигнула Вике:

– Молодец. Жди результатов.

Вечером Денис принёс огромный торт, чему Вика очень обрадовалась, а Анна слегка улыбнулась. Вкусное редко ели, зарплаты получали маленькие. Старались экономить на всём.

– Это... мне стыдно мои девочки! Да и вас порадовать решил.

– Знаю, – Анна всё ещё не смотрела на него.

– Я сорвался. Но это не оправдание.

Вика, отрезая кусок торта, вдруг сказала:

– А у нас в школе психолог говорит – если очень стыдно, надо делать добрые дела.

Тишина. Потом Денис рассмеялся:

– Мудрая женщина. Тогда завтра – большой поход в зоопарк!

Анна наконец улыбнулась, в душе она знала – они справятся. Даже если придётся падать и снова подниматься.

Через несколько дней в классе появился большой плакат с результатами олимпиады.

– Виктория Смирнова – 2 место! – громко объявила Лариса Ивановна, улыбаясь. Вика замерла. Второе место! Она даже не ожидала, что попадет в тройку лучших.

– Молодец! – Лена обняла ее.

Даже Анжела, скрестив руки на груди, пробормотала:

– Ну ладно... неплохо.

Лариса Ивановна вручила Вике грамоту и маленькую медаль на ленточке.

– Ты наша гордость!

Вика вся сияла. Она не могла дождаться, чтобы показать награду родителям. После школы Денис встретил Вику у ворот – не на мотоцикле, а на стареньком «жигуленке», который он взял у друга.

– Пап, а что это? – удивленно спросила Вика.

– Специальный транспорт для победительницы! – он открыл дверь с театральным поклоном. – Сегодня у нас праздник. Поехали в зоопарк!

Дома их уже ждала Анна. Она надела самое красивое платье, живот уже был заметен.

– Мама, ты сегодня такая красивая! – Вика бросилась к ней.

– Это все из-за хорошего настроения, – Анна поцеловала дочку в щёчку.

Городской зоопарк был небольшим, но уютным. Вика бежала вперед, таща родителей за руки. Животные были красивые, холёные, упитанные. Анна с Денисом даже удивились. Они помнили зоопарк из своего детства, когда животные были измождённые, а тут...

– Смотрите, медведи! – она прижалась к ограде. – Они такие большие!

Денис поднял ее на руки, чтобы она лучше разглядела бурого мишку, лениво грызущего морковку.

– Он как папа утром, – шепнула Вика Ане на ухо. Анна фыркнула, а Денис сделал вид, что не слышит.

Обезьяны так смешили народ, они кривлялись, крутились и чем больше дети и взрослые хохотали, тем яростнее обезьяны старались ещё больше. Было ощущение, что им самим это всё нравилось, веселило и забавляло. А тигр, величественно прохаживался по вольеру. Вика замерла, глядя на него. Попугаи, кричали «Привет!» на весь павильон. Но больше всего Вике понравился контактный зоопарк.

– Можно погладить! – она осторожно потрогала кролика. – Он такой мягкий... Мам, пап, я тоже очень хочу кролика!

– Заведем кролика, да пап? – спросила Анна у Дениса.

– Почему нет. – улыбнулся он в ответ. – Мне они тоже нравятся. – и тихо, на ухо жене добавил. – А потом мы его съедим.

Анна стояла рядом, гладила козленка и улыбалась. Денис снимал все на камеру, то и дело подмигивая жене. После зоопарка они зашли в кафе. Вика, разгоряченная впечатлениями, болтала без остановки:

– А помните, как та обезьяна корчила рожицу? Умора! А тигр – он же настоящий царь! А кролик...

– Дыши, – засмеялась Анна, заказывая три порции мороженого.

Денис вдруг взял ее за руку:

– Как ты себя чувствуешь?

– Счастливой, – ответила она искренне.

Вечером, когда Вика уже заснула, обняв свою медаль, Анна и Денис сидели на кухне с чашками чая.

– Ты сегодня... – Анна искала слова.

– Я знаю. Я был идиотом тогда. Но сегодня – это я. Настоящий.

Анна кивнула.

– Я верю тебе.

Они сидели в тишине, слушая, как за окном поют сверчки и квакают лягушки. Этот день стал одним из тех, которые запоминаются навсегда.

Глава 7.

Зима в этом году выдалась особенно снежной. Анна, разбирая летние вещи в шкафу, достала коробку с парой изящных розовых туфель на маленьком каблукке – купила их заранее на будущий сезон по скидке.

– Мама, можно примерить? – Вика, как мотылек на свет, потянулась к блестящей обуви.

– Конечно можно, – разрешила Анна, улыбаясь. – Они тебе еще великоваты правда.

Туфли действительно болтались на ножке, но Вика кружилась перед зеркалом, представляя себя взрослой дамой.

– Когда же лето? – вздохнула она, снимая туфли.

Анна убрала коробку на верхнюю полку. Но не туда, куда следовало бы...

Утром, пока родители собирались на работу, Вика встала на табурет и достала заветную коробку.

– Только разочек одену и больше не буду, – прошептала она, засовывая туфли в рюкзак поверх учебников.

Снег хрустел под сапогами по дороге в школу. В голове зрел план. Переобуться за углом школы и спрятать сапоги во дворе школы. И весь день ходить как принцесса! Лена, увидев туфли, ахнула:

– Тебе мама разрешила?!

– Ну... да, – Вика покраснела, но подруга не заметила обмана.

В раздевалке все девочки окружили Вику:

– Ой, какие красивые!

– Тебе не холодно?

– Можно померить?

Даже Ангела скосила взгляд, но промолчала. На уроках Вика вытягивала ножки, любуясь отблесками на блестящих носочках. После школы Вика первой выскочила в раздевалку – нужно было успеть переобуться до прихода родителей. Но под крыльцом, где она оставила сапоги, лежал только мокрый след.

– Где... где они? – девочка заглянула во все щели.

Лена помогала искать, но сапоги как сквозь землю провалились.

– Может, дворник унёс?

Холодный ужас сковал Вику. Идти домой босиком нельзя, в туфлях – по снегу невозможно.

– Придется в них идти, – прошептала она, ступив в сугроб.

Снег набивался в туфли, превращаясь в ледяную кашу. Ноги коченели, но Вика стиснула зубы:

– Я сама виновата.

По дороге ее догнал Витька с Петькой:

– Ты чего, в летних туфлях?

– Эксперимент, – сквозь дрожь брякнула Вика.

Мальчишки переглянулись, сняли свои шарфы и обмотали ей ноги.

– Держись, космонавт.

Дома Анна открыла дверь – и сразу заметила синие пальчики, выглядывающие из розовых туфель.

– Боже мой!

Денис, не спрашивая, подхватил Вику на руки, посадил на диван и начал растирать ей ступни теплым полотенцем.

– Где сапоги? – строго спросила Анна.

Слезы брызнули сами собой.

– Их украли... а я... я взяла туфли без спроса...

Родители переглянулись. Гнев таял – оставалась только тревога.

– Зачем? – спросил Денис.

– Хотела быть красивой... Как мама.

Анна прижала дочь к груди:

– Дурочка моя. Ты и так самая красивая. Смотри вон какие у тебя красивые волосы!

Позже Вика сидела в ванной, грея ноги, когда Денис принес стакан горячего молока.

– Знаешь, почему я сегодня не ругаюсь?

– Потому что я уже наказана?

– Потому что ты сама поняла свою ошибку.

Анна зашла с коробкой – новыми зимними сапогами, с меховой оторочкой.

– Но розовые туфли я все равно спрячу подальше. До лета.

Вика уткнулась маме в плечо:

– Я больше так не буду.

– Знаю, – улыбнулась Анна.

За окном падал снег, а в доме пахло борщом и прощенными ошибками.

Перед самым Новым годом Вика проснулась с ощущением, будто её тело налили свинцом. Даже поднять голову с подушки было мучительно.

– Мама... – хрипло позвала она, но голос звучал как шёпот.

Анна, забежав в комнату, сразу поняла – что-то не так. Вика лежала, раскалённая, с мутными глазами, а её обычно смуглая кожа была неестественно бледной.

– Господи! – Анна приложила ладонь ко лбу дочери и резко отдернула – температура была запредельной. Термометр показал 39.8.

– Денис! – Анна крикнула так, что он влетел в комнату, не успев даже застегнуть рубашку.

Они оба стояли над кроватью, глядя на Вику, которая слабо стонала.

– Скорая. Сейчас же, – Денис схватил телефон.

Анна тем временем пыталась сбить температуру – обтирала Вику влажными полотенцами, заставляла пить воду, но жар не спадал. Врач, пожилой мужчина с усталыми глазами, осмотрел Вику и покачал головой.

– Ангина. Температура критическая. Нужен укол.

Вика, обычно такая бойкая, даже не заплакала, когда ей сделали укол – она просто лежала, словно все силы ушли на борьбу с болезнью.

– Через час должно полегчать, – сказал врач, собирая сумку. – Если температура снова поднимется – сразу в больницу и Анна кивнула. Прошёл час. Вика ненадолго уснула, и Анна с Денисом уже начали надеяться, что худшее позади.

– Мама... мне плохо... – Вика вдруг застонала, её тело начало бить мелкой дрожью.

Термометр снова зашкаливал – 40.2.

– Всё, хватит! – Анна резко вскочила. – Денис, бери её, я запрягаю санки!

На улице был жуткий мороз. Снег хрустел под ногами. Вику закутали в три одеяла, положили на санки, и Анна побежала, таща их за собой. Денис ушёл на работу. Анна бежала, не чувствуя усталости. Только вперёд. Только до больницы. Приёмное отделение встретило их ярким светом и запахом антисептика.

– Девочка, 7 лет, температура за 40, ангина! – Анна говорила быстро, почти без пауз. Медсёстры сразу взяли Вику на руки и унесли в процедурную. Анна осталась сидеть в коридоре.

– Она должна быть в порядке, – сжала она кулаки.

Вику положили в детское отделение. Капельница, уколы, холодные компрессы – врачи боролись за каждую десятую градуса. Анна сидела у кровати, не отрывая глаз от дочери.

– Мама... – Вика наконец открыла глаза.

– Я здесь, родная.

– А Новый год... мы тут его встретим?

Анна сжала её горячую ладошку.

– Конечно. Ты только поправляйся.

За окном падал снег. Где-то в городе уже стояли наряженные ёлки, смеялись дети. Но здесь и сейчас шла своя война – за одну маленькую жизнь.

К утру температура наконец начала спадать. Вика уснула, её дыхание стало ровнее. Врач, заглянув в палату, устало улыбнулся:

– Кризис миновал. Она молодец, боролась.

Анна расплакалась. Впервые за эту долгую ночь.

Последний день уходящего года Вика встретила в больничной палате. За окном весело падал снег, а по телевизору в коридоре показывали праздничные концерты, но здесь, в отделении, пахло лекарствами и тишиной.

– Мама, ты правда уходишь? – Вика сжала пальцами край одеяла, глядя, как Анна собирает сумку.

– Мне нужно проверить дом, приготовить всё к празднику, – Анна наклонилась, чтобы потрогать её лоб. – Температуры уже нет, ты на поправку. Я скоро вернусь.

Но когда дверь закрылась, палата сразу стала огромной и пустой.

К вечеру Вике стало хуже. Голова кружилась так, будто её катали на карусели, а в животе скрутило противной тяжестью.

– Надо позвать врача, – прошептала она, но кнопка вызова медсестры висела слишком далеко. Собрав последние силы, Вика сползла с кровати. Ноги дрожали, но она пошла по холодному линолеуму – надо дойти до ординаторской. Дверь в ординаторскую была приоткрыта. Вика толкнула её и замерла. Перед ней стоял накрытый стол: салаты в мисках, бутерброды с колбасой и сыром, фрукты и даже торт с ёлочками. Врачи и медсестры в обычных халатах, но с праздничными колпаками на головах, смеялись, чокаясь бокалами с соком.

– Девочка? – обернулась молодая медсестра.

Вика хотела сказать, что ей плохо. Хотела попросить помощи. Но вместо этого её тело вдруг взбунтовалось.

– Мне... меня...

Она не успела договорить. Рвота хлынула прямо на порог. В глазах потемнело, и последнее, что она услышала, был испуганный крик:

– Ребёнок падает!

Очнулась Вика уже в своей кровати. Голова гудела, но тошнота отступила.

– Живая? – над ней склонилась та самая медсестра, теперь уже без колпака.

– Что... что случилось?

– Ты нас так напугала! – медсестра поправила капельницу. – Отравление на фоне ослабленного иммунитета. Плюс резкий подъём. Тебе бы лежать, а не по коридорам бегать! Вика покраснела:

– Я хотела позвать на помощь...

– Ну вот и позвала, – медсестра улыбнулась. – Так громко, что весь персонал праздник бросил.

За дверью послышались шаги.

– Вика! – Анна влетела в палату, вся запорошенная снегом. – Мне позвонили... Я...

Она обняла дочь так крепко, что та застонала.

– Прости, я не хотела пугать, – прошептала Вика в мамино плечо.

Когда Анна немного успокоилась, медсестра принесла им поднос.

– Раз уж наш праздник сорвался, хоть вас угостим.

На подносе были два куска торта, виноград и даже детское шампанское в пластиковых стаканчиках.

– Мы не одни? – Вика огляделась.

– Врачи по палатам ходят, других детей поздравляют, – объяснила медсестра. – А вам, – она строго посмотрела на Вику, – строгий постельный режим.

Когда часы на телевизоре показали полночь, Анна подняла стакан:

– За новый год. За здоровье. За то, чтобы ты больше никогда так не пугала маму. Вика чокнулась с ней своим стаканчиком.

– Обещаю.

За окном грянул салют. Яркие огни раскрасили снег в синие, красные, зелёные пятна. Они встретили новый год здесь – в больничной палате. Но вместе. А это было главное.

После больничных стен Вика чувствовала себя птицей, выпущенной из клетки. Январские каникулы были в самом разгаре, и каждый день казался подарком.

– Ты уверена, что тебе можно на мороз? – Анна завязывала дочке шерстяной шарф, пряча в него нос и рот.

– Мам, я уже здорова! – Вика прыгала на месте, едва сдерживая нетерпение.

Денис, наблюдая за этим, ухмылялся:

– Отпусти солдата, командир. Ей же надо восстанавливать боевой дух!

Рюкзак был набит провиантом. Бутерброды с вареньем, термос с чаем и запасные варежки (по маминому настоянию). Санки, подаренные Денисом на Новый год, блестели свежим лаком.

– Главное – не глотать снег и не снимать шапку! – кричала Анна вдогонку, когда Вика уже выскакивала за дверь.

У подъезда её ждали Лена, Витька и Петька с младшим братом.

– Ура! Ты живая! – Лена бросилась обнимать подругу.

– Конечно живая! – Вика гордо подняла подбородок. – А теперь все на горку!

Парк встретил их весёлой суетой. Дети с криками неслись с крутой ледяной горы, родители тоже катались и визжали от восторга. Главная горка была почти отвесной.

– Боишься? – Витька тыкал палкой в ледяной склон.

– Ни капли! – Вика первая плюхнулась на санки.

Первая попытка закончилась кувырком уже через три метра. Вторая – триумфальным спуском под аплодисменты. К пятой катании они с Леной рискнули съехать вдвоём:

– 3... 2... 1... – Ветер свистел в ушах, снежная пыль била в лицо, а в животе ёкало так, будто оставили там всё лишнее – страхи, болезни, больничные капельницы.

– Хотите секрет? – Вика, раскрасневшаяся, достала из рюкзака фольгированный пакет. – Машины пирожки! Очень вкусные, разбирайте!

Пирожки с капустой, ещё тёплые, исчезали со скоростью света. Даже Ангела, случайно оказавшаяся рядом, получила свою долю.

– Спасибо, – буркнула та, откусывая аккуратный кусочек.

К вечеру, когда щёки начали неметь от холода, а снег в валенках превратился в мокрую кашу, компания потянулась домой.

– Завтра снова? – Лена цеплялась за Вику, чтобы не упасть на обледеневшей тропинке.

– Обязательно!

Дома Анна, заваривая чай с малиной, качала головой:

– Весь день на морозе! Ты точно себя хорошо чувствуешь?

– Ну мама, – Вика сняла мокрые варежки и торжественно поставила санки у двери. – Это был лучший день!

Денис, подмигнул дочери:

– Завтра я с вами. Покажу, как настоящие мужчины с горок катаются!

Анна вздохнула, но улыбнулась. Её девочка снова была счастлива. А значит, и мир вокруг снова стал на свои места.

Январское солнце светило ярко, отражаясь от искрящегося снега. Вика, закутанная в тёплый комбинезон, прыгала у двери, не в силах сдержать нетерпение.

– Пап, ну давай быстрее! – кричала она, держа в руках верёвку от санок. Денис, натягивая шапку, улыбался:

– Ты как ракета перед стартом!

Анна, осторожно спускаясь по ступенькам, придерживала живот. На седьмом месяце даже простые движения давались ей с трудом.

– Я буду просто наблюдать, – сказала она, поправляя шарф. – Но болеть за вас буду громко!

Парк был полон детей и взрослых. Лена уже катилась с горки, визжа от восторга, а Витька с Петькой строили снежную крепость у подножия. И тут Вика заметила Анжелу. Та стояла в стороне, одна, наблюдая за весельем.

– Пойдём позовём её, – неожиданно сказала Вика Денису.

– Ты уверена? – удивился он.

– Ну... не очень, но может, ей просто одиноко.

Анна ласково потрепала дочку по плечу:

– Какой ты у меня взрослый человек.

Вика подошла к Анжеле, волоча за собой санки.

– Хочешь с нами?

Анжела удивлённо подняла брови:

– Ты... серьёзно?

– Ну да! Папа нас всех прокатит!

Денис подошёл и с комической галантностью поклонился:

– Места хватит всем!

Анжела сначала колебалась, но потом робко улыбнулась:

– Ладно... только если не очень быстро.

Денис устроил настоящий аттракцион. Вика села впереди, крепко держась за верёвку, Анжела устроилась сзади, обхватив Вику за талию, а Денис разбежался и прыгнул на санки последним.

– Поехали!

Они неслись вниз, оставляя за собой снежный шлейф. Анжела сначала вскрикнула от страха, но потом засмеялась – впервые Вика слышала её настоящий, не фальшивый смех.

После катаний Анна угостила всех горячим чаем из термоса.

– Вот, попробуйте, – она разлила напиток по крышечкам. – С мёдом и лимоном.

Анжела осторожно пригубила:

– Спасибо...

– А у тебя мама не придёт? – спросила Вика.

Лицо Анжелы вдруг стало грустным:

– Она на работе... всегда на работе.

Вика неожиданно протянула ей свой пирожок:

– Держи. У меня ещё есть.

По дороге домой Анна шла медленно, держась за Дениса.

– Ты молодец, – тихо сказала она Вике. – Сегодня ты сделала важное дело.

– Какое?

– Подарила кому-то немного тепла. Это дорогого стоит.

Денис подхватил Вику на руки, хотя она уже была довольно тяжёлой:

– Наш миротворец!

Дома, засыпая, Вика думала о том, как странно устроен мир. Ещё вчера Анжела казалась врагом, а сегодня... сегодня она просто девочка, которой тоже хочется кататься с горки и пить горячий чай. А за окном снова пошёл снег – мягкий, пушистый, как обещание новых приключений.

Воскресное утро началось с громкого стука в дверь. Вика, которая как раз строила крепость из подушек в гостиной, бросилась открывать – на пороге стояла Анжела, закутанная в пуховик до самых глаз и державшая в руках куклу в бальном платье.

– Можно к тебе? – спросила она нерешительно.

Вика распахнула дверь шире:

– Конечно!

Анна, попивая чай на кухне, с удивлением наблюдала, как две девочки, ещё недавно враждовавшие, теперь возились на полу:

– Эта будет принцессой, а эта – злой колдуньей! – объявила Вика, расставляя кукол.

– Но принцесса потом её простит, да? – неожиданно спросила Анжела.

– Обязательно!

Анна улыбнулась. Возможно, мир во всём мире начинался именно с таких маленьких перемирий.

К обеду гостиная превратилась в королевство. Два одеяла, сброшенные на спинки стульев, образовали шатёр, внутри горел "костёр" из покрашенных в оранжевый фонариков. На "столе" (перевёрнутой табуретке) красовались пластиковые пирожные.

– Мама, мы принцессы в изгнании! – крикнула Вика из-под одеяла.

– Тогда вам нужен королевский банкет, – Анна достала блюдо с печеньем.

Дверь снова распахнулась – на этот раз на пороге стоял Денис с двумя бородатыми мужчинами в рыбацких куртках.

– Жена, встречай гостей!

Оказалось, это его старые друзья – Семён и Артём, которые несколько лет жили в Мурманске, но теперь вернулись.

– Там холодно, как в морозилке, а рыба – хоть и золото, да не греет, – смеялся Семён, ставя на пол огромный бак с чем-то, накрытым тканью. Бак оказался полон рыбы. Сёмга с розоватой мякотью. Сельдь, пахнувшая пряностями. Даже несколько крабов, которые привели Вику и Анжелу в восторг.

– Всё это мы сами солили! – хвастался Артём. – Теперь будем тут торговать. Денис сказал, подсобим у вас во дворе сарай под лавку переоборудовать.

Анна, несмотря на большой живот, ловко управлялась с чайником:

– Тогда надо это дело отметить!

К вечеру дом наполнился ароматами. Анна пекла картошку в духовке. Денис и гости мариновали лук для селедки. Девочки, получив задание, украшали стол бумажными корабликами.

– А у вас в Мурманске Дед Мороз живёт? – спросила Анжела, что всех рассмешило.

– Нет, там живут белые медведи! – Артём сделал страшные лапы и погнался за визжащими девочками.

За ужином Семён рассказывал, как их судно чуть не утонуло в шторм. Анжела, покрасневшись, объявила, что тоже хочет стать капитаном, а Вика демонстрировала гостям свою коллекцию морских ракушек, которые оказались обычными камешками, но это никого не смущало. Анна, отодвинув тарелку, вдруг почувствовала лёгкий толчок в животе.

– Ой!

– Что? – Денис насторожился.

– Ничего... просто малыш пинается.

Вика тут же приложила ладонь к маминому животу:

– Он хочет тоже за стол!

Когда гости уходили, Анжела неожиданно обняла Вику:

– Можно, я завтра опять приду?

– Конечно!

Семён оставил им целую банку солёной сёмги:

– Для будущего моряка! – он потрепал Анну по плечу и все дружно попрощались.

Перед сном Вика, уже в пижаме, спросила:

– Мама, а почему сегодня было так хорошо?

Анна поправила на ней одеяло:

– Потому что когда люди вместе – это всегда чудо.

За окном падал снег, покрывая город чистым белым покрывалом. А в доме пахло солью, пряностями и чем-то неуловимо родным – тем, что называют счастьем.

На следующий день после шумного застолья в доме Вики снова раздался стук в дверь. На этот раз на пороге стоял Семён, а рядом с ним – хрупкая женщина с тёплыми карими глазами и корзинкой в руках.

– Анна, знакомься, это моя Марина! – Семён гордо представил жену.

Марина улыбнулась и протянула корзинку, от которой пахло свежей выпечкой:

– Принесла вам пирогов с брусникой. Семён вчера так расхваливал ваше гостеприимство, что я не удержалась – решила познакомиться!

Анна тут же пригласила гостей внутрь:

– Как раз чай собиралась заваривать!

На кухне быстро стало уютно. Марина оказалась удивительно приятной собеседницей – она рассказывала о жизни в Мурманске, о том, как они с Семёном ловили рыбу в Баренцевом море, и даже о том, как однажды их лодку чуть не унесло штормом.

– Но мы ведь не из пугливых, – смеялась она, поправляя тёмную косу. – Если бы не Сёмка, я бы, наверное, ещё там осталась – мне так нравилось это море!

Анна слушала, зачарованно разливая чай по кружкам.

– А я ни разу не видела настоящего моря, – призналась она. – Только реки да озёра.

– Обязательно съездим вместе, когда малыш родится немного подрастёт! – воскликнула Марина.

Разговор прервал тихий стук в дверь. На пороге стояла Ольга – соседка Анны, которую она не видела уже несколько недель.

– Оля! – Анна обрадовалась. – Заходи!

Ольга выглядела уставшей, но улыбнулась:

– Я не хотела мешать... Просто зашла проверить, как ты, я прям соскучилась.

– Ничего ты не мешаешь! – Анна взяла её за руку и подвела к столу. – Знакомься, это Марина и Семён, друзья Дениса. А это Ольга, моя соседка и подруга.

Ольга робко поздоровалась, но Марина тут же подвинулась, освобождая ей место:

– Присаживайся! Чай ещё горячий, а пироги просто волшебные.

За чаем разговоры потекли сами собой. Оказалось, что Ольга тоже мечтала увидеть море, а Марина когда-то жила в маленьком городке, похожем на их.

– А где твой муж? – спросил Семён, не подозревая, что задел болезненную тему.

Ольга опустила глаза:

– Он... в командировке.

Анна, видя её дискомфорт, быстро перевела разговор:

- Ольга у нас мастер на все руки – и варенье варит обалденное, и огород сажает!
- Ой, да ладно тебе, – засмеялась Ольга, но было видно, что ей приятно.

К вечеру гости уже не казались чужими. Марина и Ольга обсуждали рецепты солений, Семён и Денис строили планы насчёт рыбной лавки, а Вика, вернувшаяся с прогулки, с интересом слушала взрослые разговоры.

– Знаешь, – Марина вдруг взяла Анну за руку, – такое чувство, что мы с тобой давно знакомы.

- У меня тоже, – улыбнулась Анна. – Как будто встретила сестру.

Ольга кивнула:

- Мне тоже так кажется. Девочки! Как же мне с вами хорошо!

Когда гости стали собираться домой, Анна неожиданно предложила:

- Давайте встречаться так чаще! Хотя бы раз в неделю – можно просто пить чай и болтать.

– Обязательно! – Марина обняла её. – Теперь мы соседки – мы с Семёном как раз дом рядом присмотрели.

Ольга, уходя последней, прошептала Анне:

- Спасибо. Я давно не чувствовала себя так... спокойно.

Анна помахала ей вслед, а потом присела на диван, положив руку на живот. Малыш пинался – будто радовался вместе с ней. Денис, убирая со стола, улыбнулся:

- Ну что, команда собралась?

- Собралась, – кивнула Анна. – И, кажется, это надолго.

За окном темнело, но в доме было светло – от смеха, дружбы и простого человеческого тепла.

Глава 8.

Этой ночью Анна проснулась от грохота в прихожей. Часы на тумбочке показывали половину третьего.

– Денис? – позвала она в темноту, но в ответ раздался только треск упавшей вешалки и невнятное бормотание. Она накинула халат и вышла в коридор.

Денис стоял, прислонившись к стене, с мутными глазами и расстегнутой рубашкой. От него разило перегаром.

- Где ужин? – хрипло спросил он, спотыкаясь о порог кухни.

- Мы поели без тебя, – Анна скрестила руки на груди. – Я тебе оставила суп.

Он швырнул крышку кастрюли на пол.

- Без мяса! Опять эта бурда!

Вика испуганно выглянула из комнаты, но Анна жестом велела ей оставаться на месте.

- Ты обещал, – тихо сказала Анна, чувствуя, как дрожат её руки.

– Обещал?! – Денис грохнул кулаком по столу. – Я работаю как конь! А тут даже нормально поесть не могу!

Он размахивал руками, задевая посуду. Стекло солонка разбилась о пол, рассыпав белые кристаллы.

- Пап... – Вика плакала в дверях.

Денис обернулся, на секунду его взгляд прояснился.

– Всё... Всё, я... – Но тут же его лицо снова исказилось злостью. – Иди спать! – рявкнул он на дочь.

Анна резко шагнула вперёд.

- Ты перешёл черту.

Денис рухнул на диван в гостиной и почти сразу захрапел. Анна уложила Вику, долго гладила её по волосам, пока та не уснула. Потом она сидела на кухне, глядя на разбитую посуду. В животе шевелился малыш – будто спрашивал, почему маме так больно.

Денис пришёл в себя ближе к полудню. Он бледный, с трясущимися руками, зашёл на кухню, где Анна молча мыла посуду.

– Аня...

Она не обернулась.

– Я... чёрт, я не помню половины вчерашнего. Но я вижу, что что – то натворил. Анна поставила тарелку на сушилку.

– Вика плакала до утра. Ей было страшно!

Денис закрыл лицо руками.

– Прости. Я... это больше не повторится.

– В пятый раз за год, – наконец повернулась к нему Анна. Глаза её были сухими и холодными. – Я не верю твоим обещаниям.

Они говорили в спальне, приглушённо, чтобы не слышала Вика.

– Семён подливал... – начал Денис.

– Не вали на других! – Анна впервые повысила голос. – Ты сам сделал выбор. Снова.

Он сел на кровать, сгорбившись.

– Что мне сделать?

– Уйти.

Денис поднял на неё глаза, полные ужаса.

– Насовсем?

– Нет, – Анна положила руку на живот. – На неделю. Пожить у Семёна. Подумать. А потом... потом посмотрим.

Когда он собрал сумку, Анна остановила его у двери.

– Если вернёшься пьяным хоть раз – всё. Понимаешь? Я боюсь тебя пьяного, я боюсь за детей!

Денис кивнул.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

– Я знаю. Поэтому и даю последний шанс.

Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Не плакала. Не могла позволить себе слабость – Вика и будущий ребёнок были важнее.

Субботнее утро началось с радостного оживления в доме. К Вике должны были придти подруги и проснувшись раньше обычного, она металась по комнате, раскладывая на полу кукол и накрывая импровизированный стол для гостей пластиковыми тарелками.

– Мама, а печенье можно? – крикнула она на кухню, где Анна нарезала бутерброды.

– Только не всё сразу съдайте, – улыбнулась Анна, поправляя фартук на большом животе.

Первой прибежала Лена – рыжая, веснушчатая, с потрёпанным плюшевым медведем под мышкой.

– Я принесла Мишку! Он будет гостем! – объявила она, шумно вваливаясь в комнату.

Анжела появилась через десять минут – аккуратная, в накрахмаленном платице, с небольшой коробкой в руках.

– Это... это вам, – она протянула Анне коробку. Внутри лежали самодельные пряники, украшенные цветной глазурью.

– Спасибо, солнышко, – Анна погладила девочку по голове, и та неожиданно уткнулась ей в бок, как будто искала защиты.

В гостиной развернулось настоящее представление. Кукольный чай с воображаемыми пирожными (Лена громко причмокивала, изображая, как ест). Показ мод – девочки наряжались в мамины шарфы. Анжела даже надела Аннину шляпу, что вызвало всеобщий восторг. Танцы под старый радиоприёмник – особенно удался Анжеле зажигательный твист, от которого все покатались со смеху. Анна, наблюдая за этим из кухни, чувствовала, как потихоньку

отпускает напряжение последних дней. Когда игры были в самом разгаре, в дверь позвонили. На пороге стояла высокая женщина с такой же рыжей чёлкой, как у Лены.

– Я за дочкой, – улыбнулась она. – Я Инга, мама Лены.

– Проходите! – Анна распахнула дверь шире. – Как раз чай собиралась заваривать.

Инга оказалась медсестрой из местной поликлиники. Пока девочки доигрывали в комнате, женщины сидели на кухне, и разговор пошёл сам собой:

– Анжела – золотой ребёнок, – заметила Инга, откусывая пряник. – У нас в поликлинике её бабушка работает, всё про неё рассказывает. Анна вздохнула:

– Ей не хватает внимания мамы. Мать целыми днями на работе.

– Знакомо, – Инга покачала головой. – У нас пол-города так живёт.

Чай с мятой пах летом. Инга рассказывала про работу, про то, как тяжело бывает с больными детьми, про свою мечту стать массажистом.

– А вы? – спросила она вдруг. – Как тут живете?

Анна неожиданно расплакалась. Всё вылилось разом – и переживания за Дениса, и страх перед родами, и усталость от вечного быта.

Инга молча обняла её за плечи:

– Знаете что? Давайте договоримся – я буду заходить. Хоть на полчаса. А вы – звоните, если что.

Анна предложила перейти на «ты» и Инга согласилась. Когда гости уходили, Лена и Анжела цеплялись за Вику, как сиамские близнецы:

– Можно, мы завтра опять придём?

– Конечно! – засмеялась Анна. – Только предупредите заранее, я пирог испеку.

Инга на прощанье сунула ей в руку бумажку с номером:

– Я серьёзно. Любое время. Если что я приду. Тем более живём в одном дворе, а только познакомились.

Дверь закрылась. В доме вдруг стало тихо, но это была добрая тишина – после смеха, после искренних разговоров, после того, как мир ненадолго стал чуть теплее.

Вика обняла маму за живот:

– Малыш тоже рад?

– Очень, – Анна прижала дочь к себе.

За окном медленно садилось солнце, окрашивая снег в розовый цвет. Где-то там был Денис, были проблемы, была неопределённость. Но здесь и сейчас – было всё хорошо.

Глава 9.

Холодным февральским утром Анна разбудила Дениса, сжимая его руку:

– Кажется, началось...

Он вскочил с кровати так резко, что даже спросонок умудрился наступить на кота.

– Сейчас, сейчас я... машину... сумку! – бормотал он, натягивая джинсы наизнанку.

Вика, разбуженная суетой, стояла в дверях с перепуганными глазами:

– Вы куда?

– Доченька, малышу пора на свет родиться! – Анна наклонилась, чтобы обнять дочь, но тут же схватилась за живот. – Ой-ой-ой... точно пора...

Снег валил хлопьями. Денис вел машину так, будто от этого зависела судьба вселенной. Анна на заднем сиденье дышала, как учили когда то, а Вика, прижавшись к ней, шептала:

– Ты сильная, мам. Очень сильная.

Роддом встретил их ярким светом и запахом антисептика.

– Мужчины дальше коридора не проходят, – строго сказала медсестра.

Денис передал сумку, сжал Анне руку:

– Я... мы будем тут.

Вика прижалась носом к холодному окну второго этажа, благо первый этаж находился почти в подвале и до второго этажа можно было дотянуться, если очень постараться. Вот Денис и посадил Вику себе на плечи, чтобы хоть она увидела сестричку с мамой ближе. Где-то там, за матовым стеклом, была мама.

– Видишь её? – Денис поднял дочь на руки.

– Нет... но я помашу! – Вика отчаянно замахала рукой.

На второй день они принесли передачу – домашний пирог, записку от Вики ("МАМА Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ") и крошечные пинетки, связанные Ольгой.

– Скажите, что у нас всё хорошо, – просил Денис санитарку.

На третий день Анна позвонила ночью. Голос её был усталым, но счастливым:

– Какая красивая девочка у нас! Всё в порядке. А вы там как без меня? Справляетесь?

– Да дорогая, справляемся, всё хорошо, Вика умница.

На четвертый день Денис с Викторией снова стояли у окна с двумя воздушными шарами – синим и красным. Вика нарисовала плакат: "МАМА И СЕСТРИЧКА МЫ ВАС ЛЮБИМ".

Наконец настал день выписки. Дверь роддома распахнулась. Анна вышла, закутанная в пуховик, с тугой синей лентой на одеяле.

– Встречайте Настеньку, – улыбнулась она.

Вика застыла, разглядывая крошечное личико:

– Она... она похожа на пельмешек.

Все рассмеялись. Даже строгая медсестра.

Денис осторожно взял дочку на руки – так, будто боялся сломать.

– Здравствуй, доченька.

Анна оперлась на его плечо. Она была измотана, счастлива и бесконечно красива.

Дома их ждали начищенный до блеска самовар (подарок от Семёна и Марины). Гора пеленок и распашонок (связанных Ольгой и Ингой) и огромный торт с надписью "С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ НАСТЯ" (притащила Анжела с бабушкой)

Вика торжественно внесла сестрёнку в дом:

– Теперь у нас есть свой малыш. Я буду её учить всему!

Вечером, когда все разошлись, а Настя заснула в своей колыбели, Анна присела на диван. Денис молча обнял её.

– Прости, – прошептал он.

– Я знаю, – она закрыла глаза. – Мы справимся.

За окном падал снег. Февральский, холодный, но такой прекрасный – ведь он принёс им это маленькое чудо.

Дом Анны и Дениса был полон гостей – воздушные шары, накрытый стол и радостные голоса наполняли комнаты. Настеньке исполнился месяц, и все собрались, чтобы отпраздновать это событие. Анна, несмотря на усталость, старалась сделать всё идеально. Она испекла пирог с ягодами, украсила комнату гирляндами, а маленькую Настю нарядила в белое платьице с розовыми бантами.

– Ты выглядишь потрясающе, – сказала Марина, поправляя одеяло в колыбельке.

– Спасибо, но я еле на ногах стою, – засмеялась Анна, но глаза её сияли.

Вика, в новом голубом платье, носилась по дому, показывая гостям свою младшую сестру:

– Она уже умеет улыбаться! Правда, правда!

Вскоре дом наполнился друзьями. Семён и Марина принесли огромный торт в виде коляски. Ольга пришла с корзиной домашнего варенья. Инга с Леной подарили Насте вязаный плед. Даже Анжела с бабушкой заглянули – с крошечными туфельками для малышки. Денис, в хорошем настроении, разливал гостям сок и компот, но Анна заметила, как он украдкой

наливает себе что-то покрепче из бутылки, припрятанной в шкафу. За столом все смеялись, рассказывали истории, передавали Настю из рук в руки. Даже Анжела, обычно такая сдержанная, умилялась, глядя на малышку:

– Она такая маленькая...

– Как кукла! – добавила Лена.

Анна ловила счастливые моменты: Вот Ольга и Марина обсуждают рецепты, вот Вика и Лена рисуют Насте открытку, вот Денис поднимает тост... И тут её сердце сжалось. Денис говорил громче обычного. Его лицо покраснело, жесты стали резкими.

– Я счастлив! – кричал он, размахивая стаканом. – У меня теперь две дочки! И жена – просто королева!

Гости улыбались, но Анна видела —это уже не веселье, а начинающийся запой.

– Денис, может, хватит? – тихо сказала она, но он только махнул рукой.

– Да ладно, праздник же! Имею право!

К концу вечера Денис уже еле стоял на ногах. Он громко смеялся над своими же шутками, ронял посуду и чуть не задел колыбельку, проходя мимо.

– Денис! – Анна резко встала, загоразивая детей.

Гости замолчали. В комнате повисла тяжёлая тишина.

– Всё нормально! – Денис попытался улыбнуться, но его лицо исказилось злостью, когда он споткнулся о стул. – Чё вы все на меня уставились?

Анна глубоко вдохнула и повернулась к Семёну:

– Забери его к себе. Пока он не...

Она не договорила, но Семён понял.

– Поехали, брат, – он взял Дениса под руку.

– Я никуда не поеду! – Денис попытался вырваться, но его шатало.

Марина быстро увела детей в другую комнату, а Ольга подошла к Ане:

– Может, остаться с тобой?

– Нет, я справлюсь, – Анна крепко сжала её руку.

Когда Семён увёз Дениса, гости потихоньку разошлись. Только Марина задержалась, чтобы помочь убрать со стола.

– Он... он не всегда такой, – прошептала Анна, глядя в окно.

– Я знаю, – Марина обняла её. – Но тебе не надо это терпеть. Он всегда был слаб на алкоголь. Мой тоже. Но только Семён добрый даже когда выпивает.

Вика, бледная, стояла в дверях:

– Папа опять...?

Анна не стала врать. Она подошла и обняла дочь:

– Да. Но мы справимся. Вместе.

Настя тихо посапывала в колыбельке. Она ещё не знала, как сложен этот мир. Но у неё была семья, которая, несмотря ни на что, любила её.

Три дня в доме стояла гнетущая тишина. После того вечера, когда Денис устроил скандал на празднике Насте, он исчез – но на этот раз не к Семёну, а в гараж, где просидел все эти дни, по его словам, "разбираясь с собой". Когда он наконец вернулся, Вика сразу поняла – что-то изменилось. Он вошёл в дом на рассвете. В кухне горел свет – Вика, ещё одетая в пижаму с мишками, сидела за столом с тетрадкой, делая уроки. Она подняла глаза и замерла. Денис выглядел ужасно: всклокоченные волосы, тени под глазами, руки в царапинах – будто он всю ночь дрался с невидимым врагом.

– Мама спит с Настей, – тихо сказала Вика. – Они плохо спали ночью.

Денис кивнул и опустил на стул напротив дочери. Его руки дрожали.

– Я... – он попытался начать, но голос сорвался.

Вика закрыла тетрадь.

– Тебе нужно перестать пить пап! Ты очень злой когда пьёшь, я тебя боюсь!

Она говорила спокойно, по-взрослому, глядя ему прямо в глаза:

– Пап, я не хочу, чтобы Настя видела тебя таким. Как я.

Денис сжал кулаки.

– Я знаю. Я... я не знаю что ещё сказать.

– Ты ведь обещал маме. Много раз.

– На этот раз будет по-другому.

Он достал из кармана листок – направление на кодирование от нарколога.

– Сегодня поеду. Семён договорился.

Вика посмотрела на бумагу, потом на отца.

– А если не поможет?

– Тогда я уйду, – сказал он твёрдо. – Пока не стану лучше.

Анна проснулась от звуков на кухне. Денис, бледный, но собранный, готовил завтрак.

– Я еду, – сказал он просто.

Она поняла без слов. В дверях он обнял Вику:

– Пригляди за ними.

– Возвращайся скорее – прошептала она в ответ.

В клинике было холодно и пахло лекарствами.

– Вы понимаете, это не волшебная таблетка, – говорил врач, готовя шприц. – Работать над собой всё равно придётся. Денис кивнул. Укол был почти безболезненным. Но когда он вышел на улицу, почувствовал – что-то внутри надломилось. Вечером Семён зашёл "проверить друга". В сумке у него бутылка коньяка – "для праздника".

– Нельзя, – Денис отодвинул бутылку. – Даже каплю – и мне конец.

Семён убрал алкоголь без слов.

Прошла неделя. Потом две. Денис каждое утро обнимал Настю и шептал: "Ради тебя".

Анна снова начала спать по ночам. А однажды вечером, когда Настя заснула, а Вика делала уроки, Денис взял Анну за руку:

– Я не прошу прощения. Я буду заслуживать. Она прижала его ладонь к щеке.

– Я верю.

За окном падал снег – чистый, белый, как новый лист. Их жизнь начиналась заново. Так думала Анна снова и снова и верила...

Прошёл месяц после кодировки. Внешне в доме всё было благополучно: Денис не прикасался к алкоголю, исправно ходил на работу и даже помогал Анне с детьми. Но напряжение копилось – как пар в закрытом котле. Вика первой заметила перемены. Папа перестал смеяться – только коротко ухмылялся. По ночам он ворочался – Анна просыпалась от того, что он стискивал зубы во сне. Но самое страшное началось в среду, когда Вика нечаянно разбила кружку.

– Что за безрукий урод?! – рёв Дениса разнёсся по всей квартире.

Он влетел на кухню, где Вика, побледнев, пыталась собрать осколки. Его лицо было искажено яростью – такого выражения она никогда раньше не видела.

– Пап, я не специально...

– Всё специально! Всё! – он схватил её за плечо так, что стало больно и в глазах такая злость. – Вечно у тебя всё не специально!

В дверях появилась Анна с Настей на руках.

– Денис!

Одно слово – и он отпустил Вику, как обжёгшись. Вика убежала в комнату еле сдерживая слёзы.

– Я не справляюсь, – Денис присел, сжимая голову в руках. – Этот чёртов укол... Я с ума схожу. Каждую секунду. Анна осторожно присела рядом:

– Ты пугаешь детей. Чего так на Вику взъелся, она же любит тебя.

– Знаю.

Они молчали. Из комнаты Вики доносилось всхлипывание. Вика боялась выходить к завтраку. Когда она наконец появилась, Денис стоял у плиты – бледный, с трясущимися руками.

– Прости, – он поставил перед ней тарелку с идеально выложенными блинчиками в виде солнышка. – Я...

– Ты больше будешь так кричать? – спросила она прямо.

Денис опустил перед ней на колени:

– Нет. Обещаю.

На следующий день Денис записался к психологу – тот объяснил, что агрессия после кодировки нормальна. Он купил боксёрскую грушу – теперь он "выпускал пар" в гараже. Ещё договорился с Викторией – если он повышает голос, она говорит кодовое слово "мороженое". Через неделю Вика снова что-то уронила. Денис вздрогнул, сжал кулаки...

– Мороженое, – прошептала Вика.

Он глубоко вдохнул, выдохнул:

– Давай уберём.

Анна, наблюдавшая из коридора, впервые за месяц расслабила плечи.

Три месяца борьбы с самим собой превратили Дениса в ходячую бомбу. Кодировка не давала ему napиться, но не снимала внутреннего напряжения. Каждый день начинался с того, что он стискивал зубы, пытаясь контролировать ярость, которая клочкотала внутри. Вечером Вика делала уроки за кухонным столом, когда нечаянно пролила воду из стакана прямо на папины документы с работы. Денис вскочил так резко, что стул грохнулся на пол. Не думая, он снял с себя тапок и несколько раз ударил дочь по спине. Резиновая подошва больно хлестнула Вику. Она не закричала. Она просто стояла, широко раскрыв глаза, а по её щеке медленно скатилась слеза. Анна вбежала на кухню с Настей на руках.

– Что происходит?

Вика молча подняла тапок и протянула матери.

Анна передала Настю старшей дочери:

– Иди в комнату. Закрой дверь.

Как только Вика исчезла, Анна набросилась на Дениса:

– Ты ударил нашего ребенка!?!

– Я не хотел! – Денис схватился за голову. – Оно само... я не контролирую...

– Перестань оправдываться! – Анна говорила сквозь зубы, стараясь не кричать, чтобы не напугать детей. – Ты думаешь, тебе тяжело? А каково ей? Каково мне?

Денис опустил на пол, сжав кулаки.

– Я не знаю, что со мной происходит... Самому тошно от того, что я сейчас сделал.

Дверь в комнату приоткрылась. Вика вышла, держа перед собой Настю, как щит.

– Мама, не ругайся. Папе плохо.

Эти слова ударили Дениса сильнее любого тапка. Он разрыдался – впервые за много лет.

– Прости... прости, солнышко...

Но Вика не подошла. Она лишь крепче прижала к себе сестрёнку.

Ночью Анна сидела на кухне, уставившись в стену. Денис стоял в дверях, бледный как смерть.

– Я ухожу, – сказал он тихо.

– Куда?

– К Семёну. Пока не приведу себя в порядок. Пока не научусь... не знаю... дышать без этой злости.

Анна кивнула. Она не стала просить остаться. Утром Денис сложил вещи в рюкзак. Вика наблюдала из-за двери.

– Я вернусь, – сказал он, не решаясь подойти. – Когда стану нормальным отцом и мужем. Вика молча кивнула. Когда дверь закрылась, Анна обняла обеих дочерей. Настя мирно сопела у неё на груди, а Вика спросила:

– А папа ещё вернётся точно?

– Да. Просто ему нужно время.

За окном шёл дождь. Он смывал старое, давая место новому началу.

Глава 10.

После того как Денис ушел к Семёну, в доме воцарилась тяжёлая, но спокойная тишина. Анна сидела на кухне, считая последние деньги в кошельке – до зарплаты ещё неделя, а Насте нужны были новые памперсы. Анне пришлось найти себе новую работу, так как пока она сидела в декрете, на её место взяли нового продавца. Она решила попросить Олю помочь ей и позвала её к себе в гости на чай, чтобы поговорить.

– Я могу посидеть с детьми, – предложила Ольга сама, когда Анна ей начала говорить о работе и о том, что случилось в отношениях с Денисом. Она осторожно покачивала Настю на руках. – У меня ведь своего ребёнка нет... Поэтому я с удовольствием вам помогу. Анна сжала её руку:

– Ты уверена?

– Конечно. Тем более Вика уже большая, поможет.

На следующий день Анна стояла перед бригадиром в оранжевом жилете с метлой в руках. Утро начиналось в пять – нужно было успеть подмести улицы до того, как люди пойдут на работу.

– Работа не пыльная, – усмехнулся бригадир, пожилой мужчина с проседью в бороде. – Но ноги оттопчешь. Зато квартиры даём. Анна замерла:

– Какие квартиры?

– Ага, через десять лет стажа. Небось, не знала?

Эта новость ударила её, как гром среди ясного неба. Десять лет. Но зато своё жильё. Первая неделя стала испытанием. Руки покрылись мозолями от граблей и метлы. Спина ныла так, будто её переехал каток, а ноги отекали к вечеру. Но когда Анна возвращалась домой, её ждал тёплый ужин. Ольга готовила, а Вика старалась помогать. Девочка взяла на себя новые обязанности. Утром – помогала Ольге пеленать Настю. После школы – забирала посылку с молочной кухни. И вечером читала сестре сказки, пока Анна принимала душ. Однажды она спросила:

– Мама, а папа когда вернётся?

Анна, стирающая в тазике рабочие перчатки, вздохнула:

– Когда научится быть счастливым без бутылки.

В субботу, подметая площадь у фонтана, Анна увидела Дениса. Он шёл с Семёном, что-то оживлённо обсуждая. Увидев жену в жилете, замер как вкопанный.

– Ты... что ты делаешь?

– Работаю, – коротко ответила Анна.

Денис посмотрел на её потрескавшиеся руки, на худое лицо и его затрясло.

– Я... я исправлюсь. Клянусь.

Анна не стала отвечать. Она просто повернулась и пошла дальше подметать. Слова теперь ничего не значили – только поступки. Вечером Анна рассуждала о квартире, которую можно было бы получить работая в дворниках.

– Десять лет... Насте будет одиннадцать, – шептала она, представляя, как они с девочками сажают цветы на собственном балконе. Вика, подсматривая за мамой, нарисовала на листочке дом с трубой и подписала: "Наше будущее".

Субботним утром Вика проснулась раньше обычного. На кухне Анна уже собирала свой дворничий инвентарь – метлу, совок, перчатки.

– Мам, можно я с тобой? – спросила Вика, натягивая поверх пижамы куртку.

Анна хотела отказать, но увидела в глазах дочки ту же упрямую искру, что была у неё самой в детстве.

– Только тёплее оденься. И не отходи далеко.

Улицы были пустынные. Анна ловко сгребала мусор в кучи, а Вика старательно таскала за ней совок, подбирая то, что не попало в мамину метлу.

– Вот так, солнышко, – Анна поправила дочке сбившуюся шапку. – Ты мне очень помогаешь.

Вика сияла от гордости. Она представляла, будто они не просто убирают улицу, а очищают целое королевство от злых чар. В понедельник на перемене мальчишки из класса громко ржали:

– Эй, дворничиха! Ты и в школе мусор собирать будешь?

Вика сжала кулаки, чувствуя, как жар разливается по щекам.

– Я помогаю маме! – выпалила она.

– Дворничиха-дворничиха! – запели мальчишки, а за ними подхватили ещё несколько ребят.

Даже Анжела, обычно державшаяся в стороне, фыркнула в ладошку. После школы Вика не пошла домой. Она спряталась в парке на горке в домике, обхватив колени руками.

– Почему они так злые? – шептала она, вытирая лицо рукавом.

Её нашла Ольга, возвращавшаяся с работы.

– Вика? Что случилось?

Девочка разрыдалась у неё на плече, рассказывая про обидные слова. А вечером Анна, узнав о случившемся, села рядом с дочерью на кровати.

– Знаешь, почему я не бросила эту работу?

Вика покачала головой.

– Потому что честный труд никогда не бывает стыдным.

Она достала из шкафа альбом с фотографиями:

– Вот мой дед – шахтёр. Вот бабушка – доярка. А это твой прадед – он был простым дворником, как я сейчас. Вика внимательно разглядывала пожелтевшие снимки.

– Но... они всё равно будут смеяться.

– Пусть смеются. Они вырастут и поймут что были не правы.

На следующий день Анжела подошла к Вике у раздевалки.

– Мой папа... он тоже сначала дворником работал, – пробормотала она, глядя в пол. – Потом стал начальником.

Вика широко раскрыла глаза.

– Правда?

– Да... так что мальчишки – дураки.

И Анжела дружески толкнула её плечом.

В следующую субботу Вика снова пошла с мамой на работу. Теперь она держала голову высоко, даже когда мимо проходили одноклассники. А вечером, когда они пили какао на кухне, Вика вдруг сказала:

– Когда я вырасту, я куплю тебе целый дом. И тебе не придётся больше мести улицы.

Анна обняла её, пряча слезы в дочкиных волосах.

Прошло несколько месяцев. Денис вернулся домой. Он устроился грузчиком на склад. Анна же продолжала работать дворником, несмотря на то, что к концу дня её ноги горели огнём, а спина ныла так, что иногда казалось – она вот-вот сломается пополам.

Раннее утро. Анна сидела на краю кровати, осторожно разминая ступни перед тем, как надеть рабочие ботинки. Пальцы опухли, а на пятках образовались жёсткие мозоли.

– Опять болят? – Денис стоял в дверях, держа в руках кружку горячего чая.

– Пустяки, – Анна натянула носки, скрывая гримасу боли. – Главное – Настя спит, а Вика уже собралась в школу.

Она поднялась, сделала первый шаг – и чуть не вскрикнула. Но сжала зубы и пошла. Анна подметала тротуар, а Вика шла за ней с совком, собирая мусор.

– Мам, может, присядешь? – Вика заметила, как мама прихрамывает.

– Нельзя, дочка. Надо успеть до начала рабочего дня.

Денис, который как раз шёл на свою смену, остановился, увидев их.

– Аня, дай я закончу за тебя.

– У тебя своя работа, иди – она покачала головой.

К обеду боль стала невыносимой. Анна присела на лавочку у подъезда, на мгновение закрыв глаза.

– Ты в порядке? – Соседка баба Катя, проходившая мимо, нахмурилась.

– Просто устала.

– Гляжу я на тебя, детка, и сердце кровью обливается, – старушка покачала головой. – Тебе бы к врачу сходить.

Но Анна знала – больничный означал бы потерю зарплаты. А Насте нужны были новые ботиночки, Вике – учебники, да и на продукты денег едва хватало.

Денис пришёл вечером раньше обычного. Анна сидела на кухне, опустив ноги в таз с холодной водой.

– Хватит, – он опустился перед ней на колени. – Завтра ты остаёшься дома.

– Не могу.

– Можешь. Я договорился на работе – буду брать двойные смены. А ты хотя бы неделю отдохнёшь.

Анна хотела возражать, но в этот момент из комнаты вышла Вика, держа в руках свою копилку.

– Вот. Тут у меня есть немного денег. Я копила и вот, пригодились.

Анна не сдержалась – слёзы покатались по её щекам.

Утро началось как обычно: Анна натянула колготки, завязала крепкие ботинки и, преодолевая тупую боль в ногах, вышла на улицу. Ноги горели, будто налитые свинцом, а вены на икрах выступили синими узлами. Но мысль о будущей квартире, гнала её вперёд.

– Потерплю, – шептала она себе, сгребая мокрую листву в кучи.

Но однажды боль стала невыносимой. Даже ночью ноги пульсировали, не давая уснуть. Денис, заметив её страдания, настаивал:

– Ань, сходи к врачу. Я очень тебя прошу!

– Кто работать будет? – отмахивалась она, но в глубине души понимала – так больше нельзя.

В поликлинике было шумно и душно. Врач, женщина с усталыми глазами, осмотрела её ноги и покачала головой:

– У вас запущенный варикоз. Сосуды воспалены, есть риск тромбов. Надо срочно лечить.

– А работать я смогу? – спросила Анна, сжимая потёртую сумку.

– Вам противопоказаны долгие нагрузки на ноги. Нужны уколы, мази, компрессионное бельё. Если продолжите в том же духе – дело дойдёт до операции.

Сердце Анны сжалось. Операция – это деньги, время.

– Я подумаю, – пробормотала она, забирая рецепт.

Дома Денис читал инструкции к лекарствам, хмурясь:

– Ань, давай я поработаю за тебя какое – то время, а ты...

– Нет! – резко оборвала она. – Я перевяжу ноги, буду мазать их, но работать буду сама! А то не дай Бог ещё уволят!

– Ты упрямая, как осёл, – вздохнул он, но в его глазах читалось восхищение.

На следующий день Анна снова вышла на улицу, плотно перетянув икры эластичными бинтами. Каждый шаг отзывался болью, но она стиснула зубы.

– Для Насти, для семьи, – твердила она, сгребая мусор.

А вечером, когда ноги горели огнём, Вика принесла тазик с тёплой водой:

– Мама, давай я помою тебе ножки, как ты мне.

И Анна, глядя на дочь, понимала – ради этих моментов она выдержит всё. Даже варикоз. Даже боль. Потому что её семья – это её крепость. А крепости не сдаются.

Денис держался долго. Очень долго. Но однажды, после особенно тяжёлой смены, он зашёл в магазин и замер перед полкой с алкоголем. Рука сама потянулась к знакомой бутылке – «Один раз – не страшно», – подумал он.

Но «один раз» повторился. Сначала по выходным. Потом – среди недели. Поначалу он был тихим, почти незаметным и лишь стеклянный взгляд выдавал, что он «не здесь». Анна, измученная работой и больными ногами, делала вид, что не замечает.

– Ты снова пил? – спросила она как-то вечером, снимая грязные ботинки.

– Да ладно, пару банок пива, – буркнул Денис, отворачиваясь.

Он ещё не буянил. Ещё не кричал. Но в доме стало душно, будто перед грозой.

Снова под удар попала Вика. Не родная. Не «своя». После рождения Насти, у Дениса почти резко поменялось отношение к Вике. Хотя он боролся с собой и вроде бы любил её, но почему – то появилось раздражение к этой слишком хорошей девочке.

– Уроки сделала?! – зло рявкнул он, когда Вика прошла мимо. – Уборку сделала?

Вика удивлённо посмотрела на отца. Она поняла, что с ним опять что – то не то. И решила скорее уйти в комнату от греха подальше.

– Я кажется задал тебе вопрос?! – Денис встал, и в его глазах мелькнуло что-то опасное.

Анна, кормившая Настю кашей в соседней комнате, лишь вздохнула:

– Денис, ну хватит... Вика, иди уже в комнату.

Но это не помогало. С каждым днём Денис становился резче. Он придирался к мелочам: то тарелка плохо вымыта, то тон не тот. Вика замыкалась, а Анна... Анна устала.

Маленькая Настя была светом в окне. Её смех, первые слова, неловкие шаги – Анна растворялась в заботе о ней. Она шила ей платья, читала сказки на ночь, а когда ноги совсем не держали, сажала к себе на колени и гладила по мягким волосам. Вика наблюдала за этим со стороны.

– Мам, помоги с алгеброй, – просила она как-то вечером.

– Давай позже, солнце, у Насти температура, – отвечала Анна, прижимая младшую дочь к груди.

«Позже» не наступало. Вика чувствовала, что родители отдаляются от неё.

Однажды Денис пришёл домой явно пьяным. Вика, сидевшая на кухне с бутербродом, не успела исчезнуть.

– Чего уставилась?! – рыкнул он.

– Я просто ем...

– Всё время жрёшь! Глянь на себя!

Он схватил её за плечо. Не сильно. Но достаточно, чтобы испугать.

– Денис! – Анна ворвалась на кухню с Настей на руках. – Что ты делаешь?!

– Да она хамит! – закричал он. – Ты её вообще воспитываешь?!

Анна, уставшая до слёз, лишь покачала головой:

– Вика, иди в комнату.

И Вика ушла. Но не в комнату. Она натянула куртку и выскользнула в ночь. Холодный ветер бил в лицо. Вика шла, не зная куда. Она села на лавочку у детской площадки, сжала кулаки и впервые за долгое время заплакала. «Меня больше никто не любит». А дома Анна,

наконец, осознала, что пропало что-то важное. Не просто дочь – доверие. Тот самый мост, который, оказалось, можно сжечь даже не заметив.

Вика не ушла далеко. Она бродила по промозглым улицам, кутаясь в тонкую куртку, пока холод не загнал её обратно к дому. «Куда мне ещё идти?» – думала она, сжимая руки в кулаки. Ноги сами понесли её домой. Дверь была не заперта. В прихожей горел свет, а из кухни доносились приглушённые голоса.

– Ты совсем охренел?! – шипела Анна, в голосе впервые за долгое время слышалась злость.

– Да она сама провоцирует! – бубнил Денис.

Вика хотела тихо проскользнуть в комнату, но скрип пола выдал её. Денис резко обернулся, его глаза блеснули.

– А, вот и наша беглянка вернулась! – с издевкой протянул он и, недолго думая, снял тапок.

Удар пришёлся по спине. Не слишком сильный, но унижительный.

– Хватит! – Анна резко встала между ними, толкнув Дениса в грудь. – Ты что, совсем уже?!

– Воспитываю! Она ушла поздно не предупредив куда! – проворчал он, но отступил.

Вика, не проронив ни слова, прошла в комнату и захлопнула дверь. За ней не пришли. Не спросили, где была. Не извинились. Она легла лицом в подушку, чтобы не слышать, как за стеной мама наливает себе первый бокал.

Анна проснулась с тяжелой головой – вчерашнее вино давало о себе знать. Она не помнила, когда в последний раз пила, но теперь, кажется, нашла повод. «Хотя бы немного, чтобы ноги не болели, чтобы голова не думала». Вика, выйдя на кухню, увидела мать, потягивающую чай с трясущимися руками.

– Мам, у нас завтра родительское собрание... – начала она.

– Да, да, потом, – Анна махнула рукой, даже не глядя на дочь. – Спроси у Дениса.

Но Денису было не до этого. Он ушёл на работу, оставив после себя запах перегара и смятые сигаретные пачки.

Анна теперь пила по вечерам. Сначала – «только немного, для расслабления». Потом – пока не станет легче. Она почти не замечала, как Вика тихо закрывается в комнате, как перестала рассказывать о школе, как начала пропускать уроки.

– Ты где шляешься?! – как-то вечером рявкнул Денис, замечая, что Вики нет дома.

– В библиотеке, – буркнула она, проскальзывая мимо.

– Врёшь!

Но Анна, сидевшая на диване с бокалом, лишь лениво пробормотала:

– Оставь её, Денис...

Вика смотрела на мать – эту женщину с потухшими глазами, – и чувствовала, как последние нити между ними рвутся.

Однажды ночью Вика проснулась от громкого стука. За стеной Денис что-то кричал, Анна отвечала пьяным шёпотом. Потом – звук разбитого стекла. Вика зарылась под одеяло, зажала уши, но слёзы текли сами. Она больше не была дочерью в этом доме. Она была призраком.

Глава 11.

Лето раскалило асфальт до мягкости, и даже тени под деревьями казались жидкими. Вика, теперь уже десятилетняя, целыми днями таскала за собой пятилетнюю Настю. Анна с утра до вечера мела улицы, а Денис то уезжал на стройку, то приходил хмурый и молчаливый. Но во дворе – там был другой мир. Анжела и Лена – уже ждали их у песочницы.

– Ну наконец-то! – закричала Анжела, размахивая самодельным браслетом из бисера. – Мы уже все куличики перелепили!

– Я хочу куличик! – тут же заныла Настя.

– Давай слепим замок, – вздохнула Вика, но в уголках губ дрогнула улыбка.

Пока Настя копошилась в песке, Вика с девочками обсуждали главные дворовые новости:

– Витька вчера жука в банке принёс, сказал, что это скорпион! – шептала Лена, широко раскрыв глаза.

– Да ладно, это же просто майский жук! – фыркнула Вика, но ей было приятно, что её мнение тут слушают.

Потом появлялись они – дворовые мальчишки во главе с Димкой, сыном местного авто-слесаря.

– Девочки, давайте в войнушку! – орал Димка, размахивая палкой-автоматом.

– Не-а, – Вика качала головой, прикрывая Настю спиной. – Настя маленькая.

– Тогда сидите в штабе! – соглашался Димка и кидал им «гранату» – комок земли, облепленный одуванчиками. Настя визжала от восторга, а Вика невольно смеялась.

За гаражами, где пахло бензином и ржавчиной, у них было «тайное место» – старая скамейка, полузасыпанная кирпичами. Там Вика читала Насте сказки из потрёпанной книжки, которую стащила из школьной библиотеки.

– «И тогда Золушка надела хрустальную туфельку...» – бубнила Вика, а Настя, раскрыв рот, слушала, обхватив колени.

– Вика, а у нас тоже будет праздник, как у Золушки? – спрашивала она.

– Конечно, – врала Вика, глядя сестру по волосам.

К вечеру, когда солнце клонилось к крышам, они возвращались домой. Анна уже варила макароны на ужин, от неё пахло потом и дешёвым одеколоном, которым она пыталась перебить запах алкоголя.

– Где шлялись? – бурчала она, но сил ругаться не было.

– Во дворе, – коротко отвечала Вика, усаживая Настю за стол.

Пока мама отворачивалась к плите, Вика незаметно клала Насте в чашку лишний кусок колбасы. Перед сном Настя просила сестру:

– Спой мне песенку?

И Вика пела. Тихо, чтобы не услышали Денис с мамой. А потом, когда сестра засыпала, Вика смотрела в потолок и думала: «Хоть бы родители стали прежними».

Марина и Семён жили рядом, через несколько домов в уютной трёшке с балконом, завешанным детскими рисунками. Их дочке Лизе исполнялось шесть лет, и на день рождения позвали всю «компанию» – Анну с Денисом, Вику и Настю. Дом был украшен воздушными шарами, стол ломился от сладостей, а Лиза в пышном розовом платье важно принимала подарки. Настя, замороженная, тут же прилипла к другим детям, а Вика невольно расслабилась – здесь было хорошо.

– Вика, иди с нами! – Анжела и Лена, оказалось, тоже были приглашены. Они уже осваивали новый набор для плетения браслетов.

Даже Денис вёл себя прилично: шутил с Семёном про футбол, хвалил шашлык и лишь изредка поглядывал на бутылки. Анна в своём единственном приличном платье смеялась с Мариной, и на мгновение Вика подумала – «может, всё ещё наладится?» Но потом тосты пошли один за другим. Сначала «за именинницу», потом «за дружбу», потом просто «за хорошую погоду».

– Да ладно, одна не считается! – Денис наливал Анне, та отмахивалась, но бокал взяла.

Вика, откусывая кусок торта, почувствовала знакомый холодок внутри. Она видела, как мамин смех стал громче, а папины шутки – резче.

– Ну что, поехали? – Семён, ещё трезвый, вызвался подбросить их на машине.

В салоне пахло мятной жвачкой и вишнёвым освежителем. Настя, сонная, прижалась к Вике, та гладила её по волосам и не сводила глаз с родителей. Анна что-то шептала Денису, тот хмурился.

– Спасибо, Семён, – Анна нарочито бодро вылезла у калитки.

Дверь квартиры захлопнулась, и тут же раздался первый крик.

– Ты вообще думал, что говорил при людях?! – шипела Анна, сбрасывая туфли.

– А ты? ! – Денис швырнул куртку на пол.

Вика быстро увела Настю в комнату, включила ей мультики на телевизоре и прибавила звук на максимум.

– Почему мама и папа кричат? – спросила Настя, глаза её округлились.

– Это... они так обсуждают праздник, – соврала Вика, затыкая уши сестре ладонями.

За стеной что-то грохнуло. Возможно, упала ваза. Или стул.

– Ты вообще... Ты вообще... – голос Анны сорвался на шёпот, потом на рыдания. Денис что-то крикнул в ответ.

Настя, испуганная, всё же уснула, уткнувшись лицом в Викино плечо. Та лежала с открытыми глазами, слушая, как за стеной мама вдруг замолкает, а Денис хлопает дверью холодильника – достаёт ещё пива. Утром, знала Вика, все сделают вид, что ничего не было. Мама будет молча готовить завтрак, Денис – пялиться в газету. А она, Вика, снова поведёт Настю во двор, где нет пьяных криков и битой посуды. Но пока – она тихо обняла сестру и закрыла глаза...

Утро началось с гула грома за окном. Тяжёлые капли хлестали по подоконнику, заливая следы вчерашней пыли. Вика проснулась от того, что Настя вжалась в неё, испуганно укрываясь одеялом с головой.

– Я боюсь... – прошептала сестра, когда небо снова разорвалось вспышкой. Вика увидела, что родители ещё спят.

Она встала на цыпочках, натянула старые шорты и майку. Что-то щемило внутри – не страх, не злость, а странное, бурлящее желание вырваться.

– Ты куда? – Настя села на кровати, широко раскрыв глаза.

– На минуточку, – Вика приложила палец к губам.

Дверь скрипнула, но не разбудила никого. Она вышла на веранду, толкнула дверь – и хлынувший дождь тут же обжёг кожу ледяными каплями. Двор был пуст. Лужи бурлили, как мини-реки. Вика шагнула вперёд, и вода хлопнула в кроссовки. Ещё шаг – и она засмеялась. А потом побежала. Босиком по мокрой траве, под крики воробьёв, спрятавшихся под крышей. Руки раскинула в стороны, голову запрокинула вверх – дождь стекал по щекам...

– Вика! Ты с ума сошла?!

Голос матери прорвался сквозь шум ливня. Анна стояла бледная, в мятом халате.

– Вернись сейчас же! Простудишься!

Но Вика кружилась, подставляя лицо потокам воды. Впервые за долгие месяцы она чувствовала себя живой. Дождь смывал всё: пьяные крики, унижительные шёпоты за стеной, своё собственное одиночество.

– Я... не... боюсь! – крикнула она в небо, хотя мама вряд ли услышала.

Анна выскочила за ней, схватила за руку.

– Ты совсем?! Немедленно домой!

Вика не сопротивлялась. Они промокшие, влетели по крыльцу. Анна трясущимися руками вытирала ей лицо краем халата.

– Что за дурь в тебя вступила, а? – голос её дрожал, но не только от злости.

Вика молчала. Капли дождя стекали с её ресниц, как слезы. Анна вдруг замолчала, вглядываясь в это лицо – взрослеющее, но ещё детское. И что-то в нём заставило её сглотнуть ком в горле.

– Иди... переодевайся, – только и сказала она, но впервые за долгое время положила руку на плечо дочери.

На кухне Денис хрипел над чашкой чая. Настя, закутанная в плед, смотрела на Вику с неммым вопросом.

– Ты промокла, – констатировала она.

– Зато теперь знаю, как чувствует себя рыба, – шёпотом пошутила Вика, и Настя рассмеялась.

Дождь за окном уже стих, Вика стояла в прихожей, с неё капало на пол, образуя маленькие лужицы. Она сняла промокшие кроссовки и попыталась проскользнуть в комнату, но тут из кухни вышел Денис. Его глаза, мутные от вчерашнего, сузились, когда он увидел мокрые следы на полу.

– Это что за бардак?! – его голос, хриплый и резкий, разорвал тишину.

Вика замерла. В горле пересохло.

– Я спросил, почему ты вся мокрая?! – Денис шагнул ближе, указывая пальцем на лужу у её ног. – Я... просто вышла под дождь... – прошептала Вика, сжимая мокрые края майки.

– Под дождь?!

– Денис, хватит! – Анна резко вошла в прихожую, её лицо было бледным, но голос твёрдым. – Она просто погуляла под дождем, ничего страшного.

– Ничего страшного?! – он повернулся к ней, и его дыхание пахло перегаром. – Это ты её так воспитываешь? Чтобы по лужам, как дура, бегала?!

– Она ребенок, Денис! – Анна не отступала, хотя её руки слегка дрожали. – Пусть побежит, если хочет!

– Ребенок? – он фыркнул. – Она уже давно не ребенок, а ты всё нянчишься!

Вика стояла, опустив голову. В комнате за её спиной раздался тихий смешок. Настя сидела на кровати, укутанная в плед, и смотрела на них. Её глаза блестели от возбуждения – как будто перед ней разворачивалось самое интересное представление. Она показала пальцем на Вику и снова захихикала, прикрыв рот ладошкой. «Смотри-ка, Вика влипла!» – казалось, говорил её взгляд. Вика почувствовала, как внутри что-то сжалось. Даже Настя... Даже она.

– Ты чего ржёшь? – вдруг рявкнул Денис, заметив младшую. – Тебе тоже влетит!

Настя тут же притихла, надула губы и зарылась в подушку.

– Всё, хватит! – Анна резко шагнула между Денисом и Викторией. – Иди уже на кухню, я сама разберусь.

Денис задержал на ней взгляд, потом плюнул под ноги и ушёл, бормоча что-то про «идиотов». Анна выдохнула, провела рукой по лицу и повернулась к Вике:

– Иди переодевайся.

Вика кивнула и пошла в комнату, чувствуя, как капли воды с её волос падают на пол. Настя уже не смеялась. Она смотрела на Вику с внезапным любопытством.

– Ты правда бегала под дождём? – спросила она шёпотом.

– Да.

– А... почему мне нельзя?

Вика остановилась, глядя на сестру. В её глазах не было насмешки – только детское любопытство.

– Потому что можно заболеть, но я большая и не заболею, а ты ещё маленькая, – ответила Вика.

Настя задумалась, потом улыбнулась.

– Но я тоже так хочу.

Вика не ответила. Она просто достала сухую одежду и стала переодеваться, слушая, как за стеной Денис включает телевизор на полную громкость. Анна стояла на кухне, сжимая кружку с остывшим чаем. Она смотрела в окно, где на тропинке ещё блестели лужи.

После обеда дождь наконец совсем прекратился, и во дворе запахло свежестью. Лужи блестели на солнце, а воздух был теплым и влажным. Вика и Лена решили выйти на улицу.

– Давай найдем что-нибудь интересное! – предложила Лена, прыгая через лужи.

– Ага, – кивнула Вика, оглядывая двор.

Они бродили между гаражами, пока не наткнулись на старое бревно. Оно было толстым, тяжелым, но не слишком длинным – идеально, чтобы сделать новое место для сиделок.

– Давай перетащим его к нашему дому! – воскликнула Лена.

Вика сомневалась, но Лена уже схватила один конец.

– Ну давай, поднимай!

Вика вздохнула и ухватилась за другой край. Бревно оказалось еще тяжелее, чем казалось. Они с трудом оторвали его от земли и потащили, спотыкаясь.

– Тяни сильнее! – крикнула Лена, пошатываясь под весом бревна.

Вика напряглась, но бревно внезапно перекошилось, и Лена не удержала свой конец. Оно рухнуло вниз, и один край с грохотом пришелся прямо на ее ногу.

– А-а-а-а! – Лена вскрикнула и тут же согнулась, хватая себя за ступню.

Вика бросила бревно и подскочила к ней.

– Что случилось? Где болит?

– Палец! – Лена сжала зубы, но слезы уже текли по ее лицу. – Болит!

Вика осторожно приподняла ногу Лены. На большом пальце уже проступала темно-синяя гематома, а сам ноготь неестественно приподнялся у основания.

– Ой... – Вика почувствовала, как у нее похолодело внутри.

Лена всхлипывала, сжимая кулаки.

– Мама убьет меня...

– Ничего, сейчас до дома дойдем, – Вика попыталась говорить уверенно, но сама понимала – выглядело это плохо.

Она помогла Лене встать, та прыгала на одной ноге, прижимая поврежденную ступню. Они медленно двинулись к дому, Лена хваталась за Вика, чтобы не упасть. Когда они наконец добрались до квартиры, Вика постучала. Дверь открыла мама подруги, и ее лицо сразу изменилось, увидев дочь в слезах.

– Что случилось?!

– Мы бревно тащили... оно упало... – Вика проговорила виновато. Мама Лены тут же усадила дочь на стул и осмотрела ногу.

– Господи... ноготь отошел...

Лена всхлипнула еще громче.

– Это очень больно? – спросила Вика.

– Да, – прошептала Лена.

– Нужно обработать, чтобы не занести инфекцию.

Она увела Лену в ванную, а Вика осталась стоять в коридоре, чувствуя себя виноватой. Через несколько минут Лена вышла, хромя, но уже немного успокоившись. Палец был замотан бинтом.

– Будешь жить? – попыталась пошутить Вика. Лена слабо улыбнулась.

– Наверное...

– Извини...

– Да ладно, – Лена махнула рукой. – Сама виновата, надо было аккуратнее.

Но Вика знала – теперь Лена будет ходить с больным пальцем, и все из-за их глупой идеи. Они еще немного посидели, Лена осторожно ставила ногу на табуретку, чтобы не задевать больное место. Потом Вика попрощалась и пошла домой. Дома ее встретила тишина – мама была на работе, Денис спал после вчерашнего. Вика присела на кровать и вздохнула.

Сегодняшний день начался с дождя, а закончился болью. Но хуже всего было осознавать, что из-за нее пострадала подруга.

Вечером, когда Вика и Настя уже легли в кровать, но ещё не спали, за стеной на кухне раздался приглушённый смех. Анна вернулась с работы не одна – с ней была подруга Ольга, и обе были навеселе.

– Давай ещё по одной! – Анна звонко чокнулась рюмкой с Денисом.

– Ты же завтра на работу... – пробурчал он, но налил себе ещё.

– Да плевать! – засмеялась Анна, и её голос звучал неестественно громко.

Вика лежала, уткнувшись лицом в подушку, но Настя ворочалась рядом.

– Вика, а почему мама так кричит? – прошептала она.

– Просто веселится.

Потом раздался скрип стула, шарканье ног по полу, и вдруг – музыка. Сначала тихая, потом громче. Гитара, резкий голос, странные, завораживающие слова: "Я на тебе, как на войне..." Вика замерла. Мелодия была тёмной, колючей, но в ней была какая-то сила. Она прислушалась.

– Это что? – Настя села на кровати.

– Музыка, – прошептала Вика.

За стеной Анна и Денис смеялись, потом Анна вдруг запела невпопад, срываясь на фальшивых нотах. Денис что-то крикнул, и они снова засмеялись. Но Вику зацепило не это. Её зацепила сама песня. Она не знала, кто её пел, но слова врезались в память: "Я на тебе, как на войне..."

Когда музыка стихла, а за стеной начались пьяные разговоры, Вика уже знала – она должна найти эту кассету, когда родителей не будет дома.

– Спи, – сказала она Насте, накрывая её одеялом.

– А ты?

– Я тоже.

Но Вика не спала. Она не могла спать пока родители выпивали. Всё время боялась, что что – то могло произойти.

Утро началось тихо. Родители ушли на работу. Вика дождалась, когда за ними закроется дверь, и сразу направилась к магнитофону. Кассета лежала там же, – среди разномастных кассет с надписями "Дискотека 90-х" и "Русский шансон". Вика бережно вставила её в магнитофон, прибавила звук ровно настолько, чтобы было слышно, но не слишком громко, и нажала PLAY. Первые аккорды "Агаты Кристи" заполнили комнату. "Я на тебе, как на войне..." Вика закрыла глаза, позволив мрачной мелодии окутать себя. В этих звуках было что-то такое, что заставляло забыть про пьяные крики родителей, про вечные ссоры, про одиночество.

Дверь внезапно распахнулась с таким грохотом, что Вика вздрогнула и чуть не упала со стула. На пороге стоял Денис – краснолицый, с перекошенной злобой физиономией.

– Ты что делаешь?! – проревел он, шагая вперёд.

Вика не успела даже вытащить кассету. Денис одним движением вырвал шнур магнитофона из розетки и схватил её за плечо.

– Это ещё что за хрень?! – Он тряс кассету перед её лицом.

– Я... я просто...

Удар пришёлся неожиданно – резко, пощёчиной, так что Вика отлетела к стене. Губа сразу наполнилась теплым металлическим вкусом.

– Чтобы больше не смела! – Денис швырнул кассету на пол, и она разлетелась на части. Он повернулся, схватил со стола забытые документы и вылетел из квартиры, хлопнув дверью так, что задрожали стены. Вика стояла, прижав ладонь к горячей щеке, и смотрела на осколки кассеты. Плёнка вылезла наружу, запутавшись в чёрных блестящих лентах. Она не плакала.казалось, слёзы просто перестали приходить. Настя, напуганная шумом, выглянула из комнаты.

– Вика... что случилось?

– Ничего, – Вика вытерла рот тыльной стороной ладони. – Иди играй.

Через полчаса Вика с Настей уже были на улице. Щека горела, но на душе было ещё хуже.

– Вик, ты чего такая грустная? – Дима, соседский пацан, подошёл, засунув руки в карманы штанов.

– Да так... – она пожала плечами.

– Пошли за сараи, там кое-что интересное!

За старыми сараями, куда взрослые почти не заглядывали, был полуразвалившийся сарай. Когда-то там хранили дрова, но теперь он пустовал.

– Смотри! – Дима осторожно отодвинул прогнившую доску.

В щели, среди паутины и тёмных углов, висели маленькие, серые, с перепончатыми крыльями. Летучие мыши.

– Они спят, – прошептал Дима. – Днём всегда спят.

Вика с Настей затаили дыхание. Существа казались хрупкими и нереальными – как из другого мира. Одна мышь пошевелилась, сморщила носик, но не проснулась.

– Красивые... – невольно вырвалось у Вики.

– Говорят, если их потрогать, можно заболеть, – сказал Дима, но в его глазах читалось любопытство.

Они просидели так почти час, наблюдая, как лучи солнца пробиваются сквозь щели и освещают серые спинки спящих мышей.

– Ладно, пойдём, – наконец сказал Дима. – А то ещё разбудим.

Вика кивнула. Когда они отходили, она обернулась. Одна мышь открыла крошечные чёрные глаза и посмотрела прямо на неё. В этот момент Вика вдруг поняла: она такая же, как эти мыши. Днём – спит, терпит, прячется. Но где-то внутри у неё тоже есть крылья. И когда-нибудь она их расправит...

В тот день в их небольшом городке было необычайно оживлённо. На центральной площади развернулась выставка собак – разноцветные палатки, повсюду лай, смех и визг детей. Вика, случайно узнав об этом от Лены, уговорила маму сходить.

– Мам, ну пожалуйста! Там будут собаки со всей области! – Вика дергала Анну за рукав, пока та, устало улыбаясь, не согласилась. Площадь пестрела породами всех размеров и окрасов. Пушистые колли, важные овчарки, крошечные болонки – глаза разбегались. Анна, которая в последнее время почти не выходила из дома кроме как на работу, даже немного оживилась. И тут Вика заметила их... В дальнем углу, возле потрёпанного фургончика, стояла худая женщина в поношенной куртке. В её руках жался щенок дога – слишком большой для своего возраста, но неестественно тощий, с тусклой шерстью и грустными глазами.

– Продам, – сухо бросила женщина, заметив их взгляд. – Дёшево.

Щенок поднял голову и слабо вильнул хвостом.

– Мам, смотри... – Вика присела перед ним.

Анна молчала разглядывая щенка. Потом спросила:

– Почему он такой худой?

Женщина пожала плечами:

– Хозяева бросили, мне не прокормить.

Щенок потянулся к Викиной руке, тёплый нос коснулся её пальцев.

– Сколько? – неожиданно спросила Анна.

Цена была смешной – меньше их недельного бюджета на еду. Но для семьи, где каждая копейка на счету, и это было много. Анна достала кошелёк и отсчитала деньги. Денис, когда они вошли с огромным щенком на поводке, несколько секунд просто молчал.

– Это... что? – наконец выдавил он.

- Собака, – коротко сказала Анна. – Будет жить с нами.
- На какие... деньги?! – Денис побледнел от злости.
- На последние, – Анна посмотрела ему прямо в глаза.

Они стояли так, измеряя друг друга взглядами, пока щенок не заскулил и не лизнул Денису руку. Тот дёрнулся, потом неожиданно плюнул и ушёл на кухню. Но дверью не хлопнул.

Щенка назвали Графом – за нелепую, внезапную важность, с которой он начал осматривать квартиру. Настя визжала от восторга, Вика не отходила от него ни на шаг, а Анна... Анна молча варила кашу с мясом – втрое больше, чем обычно. Поздно ночью, когда все легли, Вика услышала шорох. Денис вышел на кухню, где спал Граф.

– Ну что, аристократ, – пробурчал он, но через секунду раздалось шуршание пакета – Денис достал колбасу. Утром миска Графа была вылизана до блеска.

С первых же дней Граф показал себя не просто щенком, а удивительно смысленным созданием. Анна, которая в детстве мечтала о собаке, но так и не завела её, теперь с упоением занималась его воспитанием. Утро начиналось с тренировки.

– Граф, сидеть! – Анна держала в руке кусочек сыра. Щенок, несмотря на свои ещё неуклюжие лапы, послушно старался выполнять команды.

- Молодец! А теперь – дай лапу!

Граф осторожно поднимал переднюю лапу и клал её на руку Анны. Настя, наблюдавшая за этим, визжала от восторга.

- Мам, он классный!

Анна улыбалась – по-настоящему, чего с ней давно не случалось.

Во дворе Граф мгновенно стал всеобщим любимцем. Дети собирались вокруг, чтобы погладить огромного, но такого доброго щенка. Вика и Настя придумывали для него всё новые развлечения.

– Граф, ищи! – Вика прятала его любимый мячик в траве, и он, весело виляя хвостом, носился по поляне, пока не находил игрушку.

- Теперь моя очередь! – Настя хлопала в ладоши. – Граф, кружись!

И пёс, к всеобщему восторгу, начинал крутиться на месте, пока не терял равновесие и не падал на бок, вызывая взрыв смеха. Даже Денис, который поначалу ворчал, что «собака – это лишние хлопоты», иногда не мог удержаться от улыбки, наблюдая за этими играми из окна. Перед сном Граф обходил всех домочадцев, тычась мокрым носом в ладони, – так он говорил «спокойной ночи».

- Он как настоящий дворянин, – смеялась Анна, глядя его по голове.

– Наш граф, – Вика обнимала его за шею, а он лизал её щеку, от чего Настя тут же требовала «мою очередь!».

Однажды, когда Денис, после тяжелого дня, повысил голос на Вику, Граф, обычно такой дружелюбный, вдруг встал между ними и глухо зарычал. Все замерли.

- Вот тебе и «лишние хлопоты», – пробормотала Анна, но в её голосе не было злости.

Денис посмотрел на собаку, на Вику, и, к всеобщему удивлению, просто развернулся и ушёл.

С этого дня Граф стал не просто любимцем, а настоящим членом семьи – тем, кто объединил их всех, даже если они сами ещё не до конца это осознали.

Вика все чаще ловила себя на том, что молчит. Не просто не разговаривает – а будто закупоривается изнутри, как банка с плотно закрученной крышкой. Она помнила другие времена. Тогда Денис смеялся громче всех на её детских утренниках. Тогда он катал её на плечах, называя «моя принцесса», и собирал из конструктора целые города, пока Анна улыбалась с порога. Тогда он был её папой – не по крови, но по любви. Теперь же...

– Опять тарелка не вымыта?! – Денис швырнул её в раковину с таким звоном, что Вика вздрогнула.

– Я... я забыла...

– Всё ты забываешь!

Его глаза, когда-то тёплые, теперь смотрели на неё как на чужую. Вика сжимала кулаки, чувствуя, как в горле встаёт ком. «Почему ты меня больше не любишь?» – кричало внутри, но губы не шевелились. Граф тыкался носом в её ладонь, но даже его прикосновение не могло растопить лёд.

Она начала вести дневник. Прячала его под матрасом, заполняя кривыми строчками: «Сегодня он назвал Настю „доченькой“. Меня – „эй, ты“». «Мама опять не заметила, как он оттолкнул меня от стола». «Иногда мне кажется, я исчезаю и никто меня не замечает. Даже Настя стала отдаляться от меня и кидаться по разным пустякам». Однажды Настя, роясь в её вещах, нашла тетрадку.

– Это что? – удивлённо спросила она, тыча пальцем в каракули.

– Отдай! – Вика вырвала страницы так резко, что Настя расплакалась.

Потом было стыдно. Но больше всего – страшно. «Что, если она покажет Денису, если снова найдет дневник?» По ночам, когда в квартире наконец воцарялась тишина, Вика разговаривала с тем Денисом – тем, что остался в прошлом.

– Помнишь, как мы с тобой лепили снеговика? – шёпотом спрашивала она смотря в потолок. А какая была мама раньше добрая с ней. Граф, спавший у её ног, вздыхал во сне. Всё решил пустяк. Денис принёс с работы две конфеты – одну Насте, вторую... тоже Насте.

– А Вике? – вдруг спросила Настя, сжимая фантик в кулачке.

– Она же большая, – равнодушно ответил Денис, разворачивая сладость.

Вика вышла в коридор, прижалась лбом к холодному стеклу окна. Граф терся о её ноги, но она не могла даже погладить его – руки не слушались. За спиной раздались шаги.

– Вика... – Анна осторожно коснулась её плеча.

– Всё нормально, – дочь резко вытерла лицо рукавом. – Я просто... вспомнила одну вещь.

Как Денис, три года назад, нёс её на руках через весь двор, потому что она «поранила ножку».

Школа, которая раньше была для Вики хоть каким-то отвлечением от домашнего ада, теперь превратилась в ещё одно место, где она чувствовала себя чужой. Раньше она хоть изредка смеялась с Леной и Анжелой на переменах, хоть как-то участвовала в уроках. Теперь же – она стала «призраком». На каждой перемене Вика находила самый дальний угол в коридоре – у окна, где почти никто не ходил. Прислонялась спиной к холодной стене, скрещивала руки на груди и просто ждала, пока пройдут эти десять минут.

– Вик, идём в столовую! – Лена иногда ещё пыталась её растормошить.

– Я не голодна, – Вика опускала глаза, делая вид, что копается в рюкзаке.

Лена сначала обижалась, потом просто перестала подходить. На уроках учителя почти переставали её спрашивать.

– Вика, может, ты всё-таки примешь участие в обсуждении? – учительница литературы смотрела на неё с нарастающим раздражением. Вика лишь пожимала плечами, глядя в тетрадь.

– Ну что с ней стало... – вздыхала учительница, обращаясь к классу. – Раньше же девочка хорошо училась.

Одноклассники переглядывались. Кто-то шептал:

– Она вообще в себе?

– Может, наркотой балуется?

– Или просто психует...

Вика слышала. Но ей было всё равно. В столовой она брала еду последней, когда почти никого не оставалось. Садилась за самый дальний стол, спиной к остальным, и быстро проглатывала еду, почти не чувствуя вкуса. Однажды к ней подседа Лена.

– Вик... – она положила руку на её плечо. – Ты... ты в порядке?

Вика резко дёрнулась, как от ожога.

– Отстань, – прошипела она так зло, что Лена отпрянула. Больше никто не подходил.

Когда становилось совсем невыносимо, Вика пряталась в туалете. Запиралась в кабинке, прижимала колени к груди и дышала. Просто дышала, считая до десяти. Иногда она плакала. Тихо, чтобы никто не услышал.

Однажды в туалет зашли две девочки из параллельного класса.

– Слышала, Витка из 7"Б" вчера её в углу коридора сто лет уговаривал с ним дружить, а она даже не ответила!

– Да она вообще ненормальная. Как зомби какая-то...

Вика закусила губу до крови, чтобы не застонать. Когда заканчивались уроки, она бежала. Первой выскакивала из класса, не дожидаясь, пока кто-то попытается с ней заговорить. На улице она замедляла шаг. Теперь можно было не торопиться. Дома её никто не ждал. Разве что Граф. Он один всё ещё радостно вилял хвостом, когда она переступала порог. Один всё ещё смотрел на неё так, будто она – целый мир. И иногда, очень редко, прижимаясь лицом к его тёплой шерсти, Вика позволяла себе чуть-чуть расслабиться.

Глава 12.

В тот день, когда в их классе появилась Лера, воздух словно наполнился электричеством. Она вошла в кабинет с прямой спиной и высоко поднятой головой, её каштановые волосы переливались на солнце, а тёмные глаза с лёгкой насмешкой оглядывали класс. Учительница представила её как новую ученицу, и уже через минуту весь седьмой «А» шептался, обсуждая каждое её движение.

– Откуда перевелась?

– Говорят, из Москвы!

– Смотрите, как она держится, будто все тут её не достойны...

Вика, как обычно, сидела за последней партой, уткнувшись в учебник. Она даже не подняла голову, когда Лера прошла мимо. Ей было всё равно. На перемене Вика заняла своё привычное место – у окна в дальнем конце коридора, где её никто не трогал. Она смотрела в окно, когда рядом раздался лёгкий, но уверенный голос:

– Ты всегда одна тут стоишь?

Вика медленно повернула голову. Лера прислонилась к стене рядом.

– Да, – коротко ответила Вика, снова глядя в окно.

– Не скучно?

– Нет.

Лера задержала взгляд на Вике, будто разглядывая необычный экспонат в музее.

– Меня Лера зовут.

– Вика.

– Я знаю.

Вика нахмурилась.

– Как?

– Спросила у классной. Ты единственная, кто ни разу не посмотрел на меня сегодня. Интересно, почему. Вика пожала плечами.

– Просто.

Лера усмехнулась.

– А я думала, ты просто высокомерная.

– Это про тебя, – неожиданно для себя вырвалось у Вики. Лера рассмеялась – звонко, беззлобно.

– Возможно.

И ушла, оставив Вику в лёгком замешательстве.

Следующие дни Лера будто решила провести эксперимент. Она подходила к Вике на каждой перемене, говорила пару фраз, иногда просто стояла рядом, даже если Вика молчала.

– Ты специально? – наконец не выдержала Вика.

– Что?

– Пристаёшь ко мне.

Лера склонила голову набок.

– Мне интересно.

– Почему?

– Потому что ты не такая, как все.

Вика сжала губы.

– Ты вообще ничего обо мне не знаешь.

– Поэтому и интересно.

Однажды после уроков Вика задержалась в классе, чтобы незаметно уйти последней. Но в коридоре её поджидала группа ребят, которые любили пошутить над «тихоней».

– О, смотрите, это кто у нас? Призрак Вика! – засмеялся один из них. Вика попыталась пройти мимо, но её дёрнули за рюкзак.

– Куда спешишь?

И тут раздался резкий голос:

– Отвалите от неё.

Все обернулись. Лера стояла в конце коридора, скрестив руки.

– Ого, Лера вступилась! – захихикал кто-то.

– Я серьёзно. Идите своей дорогой.

Ребята переглянулись, но расступились. Лера подошла к Вике.

– Ты в порядке?

Вика кивнула, не глядя на неё.

– Спасибо, но я справляюсь сама.

Лера усмехнулась.

– Конечно. Но иногда помощь не помешает.

Постепенно Вика начала отвечать Лере чуть больше, чем односложно. Они разговаривали о книгах (оказалось, Лера любит читать), о музыке (Вика не ожидала, что Лера слушает то же, что и она), о том, как невыносимо бывает в школе.

– Почему ты вообще со мной говоришь? – как-то спросила Вика. Лера задумалась.

– Потому что ты настоящая.

– Что это значит?

– Все вокруг носят маски. Ты – нет.

Вика не ответила, но впервые за долгое время почувствовала, что кто-то её видит.

Однажды Лера принесла в школу наушники и сунула их Вике.

– Послушай.

Это была та самая группа, которую любила Вика.

– Откуда ты знаешь?

– Видела, как ты рисуешь их логотип на обложке тетради.

Вика посмотрела на Леру – по-настоящему посмотрела – и впервые за долгие месяцы улыбнулась. Лера улыбнулась в ответ.

– Ну вот. Теперь мы подруги.

И Вика не стала спорить.

С того дня, как Лера впервые протянула Вике наушники с любимой песней, что-то внутри Вики сломалось – но не в плохом смысле. Словно треснул лёд, который годами сковывал её сердце. Они стали неразлучны. Теперь на переменах Вика больше не стояла в углу одна. Они с Лерой ходили по коридорам, держась за руки, или сидели на подоконнике, сплетая пальцы в замок. Лера рассказывала бесконечные истории о своих прежних школах, о путешествиях с родителями, а Вика слушала, впитывая каждое слово, как будто это был чистый воздух после долгого удушья.

– А в Париже на крышах сидят настоящие коты! – Лера размахивала руками, и её глаза блеснули. – Не те дворовые оборванцы, а важные, ухоженные, будто они владеют всем городом!

Вика смеялась, впервые за долгое время чувствуя, как в груди разливается тепло. Одноклассники быстро заметили их странную, по их мнению, дружбу.

– Смотри-ка, неразлучницы, – кто-то кричал им вслед.

– Подружки не разлей вода? – ухмылялся Витька из 9"Б", который всё ещё не мог простить Вике, что она отказала ему в дружбе.

– Мы да! А ты знаешь что такое дружба? – говорила она с преувеличенной серьёзностью и наездом на него.

– Ты чего? – Вика шипела, когда они оставались одни.

– А что? Пусть боятся, – Лера щурилась, как хитрая лиса.

И Вика не могла не рассмеяться. Они были разными – как луна и солнце. Лера – яркая, смелая, не боящаяся говорить то, что думает. Вика – тихая, наблюдательная, с острым умом, который она годами прятала за маской безразличия.

– Ты как будто видишь людей насквозь, – как-то сказала Лера, когда Вика точно угадала, почему учительница сегодня злая.

– Просто привыкла молчать и смотреть.

– А я привыкла шуметь, чтобы никто не догадался, что мне страшно, – призналась Лера, и Вика впервые увидела в её глазах что-то уязвимое. С этого момента они стали не просто подругами – они стали сёстрами.

У них появились свои традиции. «Тайные записки». Они прятали друг другу в учебниках и тетрадях маленькие послания: "Ты сегодня светишься, как светлячок!" Или "Если скучаешь на физике, представь, что Жорик – это картошка. Потому что он тупой, как картошка. Прогулки после школы. Они уходили в парк, где никто не мог их найти, и часами говорили обо всём: о звёздах, о будущем, о том, как ненавидят дурацкие условности.

Однажды их дружбу попытались разрушить.

– Ты знаешь, что Вика на тебя наговаривает? – спросила Лена, которая раньше дружила с Викой.

Лера встала между ними, как щит.

– Ни за что не поверю!

– Это... ненормально! Ты ей доверяешь, а она двуличная! – Лена покраснела.

– Шла бы ты отсюда! – Вика впервые за долгое время повысила голос. – Или тебе помочь? Лена замолчала и ушла.

После этого случая шёпоты за спиной стали тише, но Вика и Лера больше не обращали на них внимания.

В последний день учебного года они решили дать клятву друг другу:

– Клянёмся, – сказала Лера, поднимая бутылку лимонада, как бокал шампанского. – Никогда не изменять себе. Никогда не предавать друг друга.

– И всегда смеяться над идиотами, – добавила Вика.

– Особенно над Витькой!

Они чокнулись бутылками и засмеялись.

Лето раскалило асфальт стадиона до такой степени, что воздух дрожал над землёй, как жидкий огонь. Вика и Лера лежали на траве в тени деревьев, потные и довольные после часа бешеной гонки на велосипедах.

– Давай ещё один круг! – Лера подпрыгнула, стряхивая с себя травинки.

– У меня уже ноги дрожат, – засмеялась Вика, но всё равно встала.

Именно в этот момент они услышали смех и крики. На дорожке появилась группа подростков – несколько мальчишек и девчонок, все на велосипедах, все громкие, загорелые и будто излучающие энергию. Один из парней, высокий, с выгоревшими на солнце волосами, лихо сделал «стопп» прямо перед ними.

– Место занято? – ухмыльнулся он.

Лера, никогда не терявшаяся, тут же парировала:

– Да, но для таких крутых парней как ты – освободим.

Все рассмеялись. Так началось их знакомство. Ребята оказались местной компанией, которая каждое лето собиралась на стадионе. Они играли в футбол, волейбол, устраивали гонки – короче, всё, что можно было сделать под открытым небом.

– Вика, ты играешь? – спросил тот самый парень, которого звали Сергей.

– Никогда не пробовала, – призналась Вика.

– Ничего, научим!

И действительно – научили. Оказалось, у Вики отличная реакция. Она не умела красиво бить, но была быстрой и ловкой. Лера же, к всеобщему удивлению, оказалась ужасным игроком – но зато самой азартной.

– Ты бегаешь как пьяный жираф! – кричал ей Сергей, когда она в пятый раз падала, пытаясь отобрать мяч.

– Зато красиво! – парировала Лера, и все смеялись.

Когда солнце начало клониться к закату, и все уже устали, на стадион вошли Лена и Анжела. Вика замерла.

– О, новые жертвы! – крикнул Сергей, махая им рукой.

Лена и Анжела подошли, но их улыбки исчезли, когда они увидели Вику и Леру.

– Ты... здесь? – Лена посмотрела на Вику с удивлением.

– Да, – коротко ответила Вика.

Лера, чувствуя напряжение, встала рядом с подружкой.

– Вы знакомы? – спросил Сергей.

– Мы учимся в одном классе и живём в одном дворе, – сказала Анжела.

Первые полчаса были неловкими. Лена и Анжела держались особняком, перешёптывались. Вика чувствовала себя лишней, но Лера не давала ей уйти.

– Давайте играть в «кродила»! – неожиданно предложила Лера. Все согласились. Игра разрядила обстановку. Лена, которая всегда была застенчивой, вдруг разыграла сценку из «Титаника» так смешно, что все валялись со смеху. Вика, к своему удивлению, тоже рассмеялась.

– Ты совсем не такая, как в школе, – сказала Лена позже, когда они случайно остались вдвоём у фонтана.

– Ты тоже, – ответила Вика.

Лена вздохнула.

– Прости, что тогда... наговорила.

– Забудь.

К концу вечера Лена и Анжела уже смеялись над шутками Леры, а Вика даже показала Лене пару трюков на велосипеде.

– Ты, оказывается, нормальная, – заявила Анжела, когда все уже собирались домой.

– Спасибо, – парировала Лера, но без злости.

Вика смотрела, как закат окрашивает лица новых друзей в золотой свет, и думала, как странно устроена жизнь. Ещё утром эти люди были чужими, а теперь... Теперь всё было по-другому. У неё появились хорошие друзья. Лена с Анжелой снова с ней. И она сама стала снова улыбаться, несмотря на то, что дома не всегда хорошо.

Лера неделю уговаривала Вику прийти к ним в гости.

– Мама хочет тебя видеть, познакомиться с тобой! – говорила она, размахивая руками. – И брат тоже. Ну пожааалуйста!

Вика отнекивалась, но в глубине души ей было любопытно. Она никогда не была в гостях у друзей – не считая редких походов к Лене в прошлом, но там всё было просто: пельмени, сок и мультики. Квартира Леры оказалась светлой и уютной. Всё здесь пахло ванилью и чем-то ещё, что Вика не могла определить – каким – то дорогим парфюмом.

– Вика, наконец-то! – Мама Леры, невысокая женщина с тёплыми глазами, обняла её, как родную. – Лера столько о тебе рассказывает! За её спиной стоял брат Леры – Артём, лет четырнадцать, очень красивый, с такой же, как у сестры, хитрой улыбкой.

– Значит, ты та самая Вика, которая может заткнуть мою болтливую сестру? – он протянул руку.

– Тёма! – зашипела Лера, но Вика неожиданно рассмеялась.

А потом из-за угла выскочила маленькая девочка – точная копия Леры, только в миниатюре.

– Это Катя, – представила Лера. – Ей шесть, на год младше твоей Насти.

Катя тут же схватила Вику за руку:

– Ты будешь с нами ужинать? Мама готовит стейк!

Вика никогда не ела стейк. Дома чаще всего были макароны, котлеты или суп. Она слышала, что это мясо, но не представляла, как это блюдо выглядит.

Когда все сели за стол, перед Викторией положили огромную тарелку с куском мяса, от которого шёл аппетитный пар. Рядом – нож и вилка.

– Приятного аппетита! – сказала мама Леры.

Вика осторожно взяла вилку и ткнула ею в мясо. Оно оказалось упругим. Она попыталась отрезать кусочек, но нож скользнул, и мясо лишь сдвинулось на тарелке.

– Эм... – Вика покраснела.

Артём фыркнул.

– Ты что, никогда...

– Тёма! – резко одёрнула его мама Леры.

Но было поздно – Вика, чтобы скрыть смущение, просто наклонилась и откусила кусок. Соус брызнул на скатерть. Наступила тишина.

– Ничего страшного, – мягко сказала мама Леры. – Давай я покажу.

Она взяла свои приборы:

– Вилку – в левую руку, зубцами вниз. Нож – в правую. Отрезаешь маленький кусочек... вот так. Вика повторяла за ней, чувствуя, как горит лицо.

– У тебя отлично получается! – подбодрила её Лера.

– Да, лучше, чем у меня в первый раз, – добавил Артём, и Вика была им благодарна за поддержку.

Катя, к всеобщему удивлению, тоже взяла нож и вилку и очень серьёзно начала резать свой стейк.

– Я уже взрослая и всё умею, – заявила она.

Все рассмеялись.

Когда тарелки опустели, а стейк (к удивлению Вики) оказался невероятно вкусным, мама Леры принесла торт.

– Я знаю, что ты любишь шоколад, – сказала она Вике. – Лера рассказала.

Вика не могла вспомнить, когда в последний раз кто-то готовил её любимое блюдо специально для неё.

– Спасибо, – прошептала она.

Позже, когда они с Лерой мыли посуду (Вика настаивала, чтобы помочь), Лера толкнула её плечом:

– Ну что, выжила?

– Да, – улыбнулась Вика. – Твоя мама... она классная.

– Ага, – Лера задумалась. – Только она очень строгая. У нас хорошие отношения, только немного натянутые. Это при тебе мама такая добрая сейчас, а вообще она холодный человек.

Вика не ответила, но впервые подумала, что, возможно, не все семьи – это крики, водка и боль. После ужина Артём вдруг загадочно подмигнул Лере и Вике:

– Ну что, трусихи, крышу покорять будем?

Лера сразу оживилась:

– О да! Виноград уже вроде созрел?

– Созрел, – Артём достал из кармана связку ключей. – Пойдёмте, пока мама с Катей мультики смотрят. Вика насторожилась:

– На какую крышу?

– На нашу, конечно! – Лера схватила её за руку. – Там растёт виноград. Синий. Сладкий.

Они вышли во двор, где пахло вечерней прохладой и нагретым за день асфальтом. Артём провёл их за дом, к старой пожарной лестнице, почти скрытой зарослями дикого винограда.

– Первым делом – не шуметь, – прошептал он, хотя во дворе никого не было.

Лестница скрипела под ногами, но держала. Вика цеплялась за ржавые перила, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Было очень высоко.

– Живая? – спросил Артём, когда они наконец выбрались на плоскую кровлю.

Вика кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Крыша оказалась совсем не такой, как представляла Вика. Вместо голого шифера – деревянный настил, и... виноград. Целая лоза, тянувшаяся по стене технического этажа, усыпанная гроздьями тёмно-синих ягод.

– Это же... – Вика осторожно тронула одну ягоду.

– Кишмиш, – пояснил Артём. – Бабушка посадила лет двадцать назад. Лера уже набрала полную горсть и сунула ягоды в рот.

– Ешь, это бомба!

Вика попробовала. Виноград оказался сладким, с лёгкой кислинкой, и пахло... солнцем. Они улеглись на крыше после того, как наелись, Артём достал из рюкзака три банки «Тархуна» (охлаждённые, как он гордо заметил) и пачку чипсов.

– Ну так, Вика, – он откинулся назад, закинув руки за голову. – Рассказывай.

– Что?

– Всё. Лера говорит, ты молчунья, но я не верю. У каждого молчуна есть что сказать.

Лера фыркнула:

– Ты как будто интервью берёшь.

– А что? Мне интересно.

Вика почувствовала, как краснеет. Артём смотрел на неё так, будто видел насквозь – но без насмешки, скорее с любопытством.

– Ну... – она крутанула банку в руках. – Я люблю «Агату Кристи». И ненавижу физкультуру.

– О, у нас есть что-то общее! – Артём рассмеялся. – Я терпеть не могу нашего физрука. Старый козёл думает, что готовит нас к Олимпиаде.

Разговор пошёл легко. Артём рассказывал про свою учёбу, про то, как однажды с друзьями они украсили статую Ленина в парке розовыми шарфиками. Лера вспоминала их дет-

ские проделки, а Вика... Вика вдруг рассказала про Графа, про то, как он однажды зарычал на Дениса.

– Вау, – Артём впечатлительно поднял брови. – Пёс – герой. Защитник.

– Он лучший, – улыбнулась Вика.

Когда стемнело, на небе появились звёзды. Яркие, чёткие.

– Смотри! – Лера вдруг ткнула пальцем в небо. – Падающая!

Вика не успела загадать желание, но Артём успел:

– Хочу, чтобы в этом году наконец сломался школьный звонок.

– Дурак, – засмеялась Лера.

– А ты чего хотела? – он повернулся к Вике.

Она задумалась.

– Чтобы всё оставалось... вот так.

Артём странно на неё посмотрел, но ничего не сказал.

Спускались они уже затемно, на цыпочках, чтобы не разбудить маму Леры. На прощание Артём неожиданно сунул Вике в руку свёрток – небольшую гроздь винограда.

– Для Насти, – пояснил он. – Чтобы тоже попробовала.

– Спасибо, – прошептала Вика.

Дома, когда Настя счастливо жевала ягоды, а Граф тыкался носом в ладонь, Вика смотрела в окно на тёмное небо и думала о том, что сегодняшний вечер был... другим. Как будто кто-то приоткрыл дверь в мир, где можно просто быть собой – и этого достаточно.

Позже Вика ловила себя на том, что слишком часто думает об Артёме. О его смехе, когда он рассказывал про розовые шарфики на Ленине. О том, как его глаза блестели в свете уличного фонаря, когда он говорил: "У каждого молчуна есть что сказать". Но всё перевернулось в один миг, когда она случайно увидела его. Вика шла за водой между уроками, когда в конце коридора появилась высокая фигура в кожаной куртке. Парень что-то говорил своим друзьям, запрокинув голову назад от смеха, и солнечный свет из окна падал ему на лицо, освещая острые скулы и ямочку на подбородке.

– Это Юра, – прошептала Лера, заметив, как Вика замерла. – Одноклассник Тёмы.

Вика не ответила. Она чувствовала, как что-то горячее и неудобное разливается у неё в груди. Юра прошёл мимо, даже не взглянув на них, но Вике показалось, что воздух вокруг него пахнет грозой и чем-то опасным. После уроков Вика задержала Леру за рукав:

– Мне нужно тебе кое-что сказать.

Они заперлись в школьном туалете (той самой кабинке, где Вика раньше пряталась от всех).

– Я... – Вика сглотнула. – Кажется, мне нравится Юра.

Лера широко раскрыла глаза:

– Юра?! Серьёзно?! Но он же...

– Я знаю, что он одноклассник Артёма, – Вика покраснела.

– Да не в этом дело! – Лера схватилась за голову. – Он же полный придурок! В прошлом месяце он разбил окно в кабинете химии. А в позапрошлом...

– Мне всё равно, – перебила Вика.

И это была правда. Она не могла объяснить, почему её так тянет к этому хаотичному, взрывному мальчишке. Может, потому что он был полной противоположностью всему, что её окружало дома – пьяным крикам, гнетущей тишине, ощущению, что она невидимка. Юра же был виден всем.

Вечером у Леры дома Вика невольно вздрогнула, когда за дверью раздался голос Артёма.

– Эй, девчонки, как дела? – Он ввалился в комнату с пакетом чипсов.

Лера тут же набросилась:

– Ты же знаешь Юру из своего класса?

Артём нахмурился:

– Знаю. А что?

– Вике он нравится, – выпалила Лера.

Тишина. Артём медленно перевёл взгляд на Вику. Что-то промелькнуло в его глазах – удивление? Разочарование?

– Юра... – он прожевал слово, как несвежий чипс. – Ну... удачи! – И вышел, хлопнув дверью.

Лера закричала ему вслед:

– Ты чего такой странный?!

Но дверь не открылась.

– Он что, обиделся? – Вика сжала подушку в руках.

– Не-а, – Лера плюхнулась рядом. – Он просто... Тёма всегда так реагирует, когда что-то не по его.

– Но почему ему не по его?

Лера задумалась, потом резко повернулась к Вике:

– А тебе правда нравится Юра? Вика опустила глаза и вздохнула.

Позже, когда Лера уснула, Вика вышла на балкон.

– Место занято?

Артём стоял в дверях с двумя банками «Тархуна».

Они молча сидели, глядя на звёзды.

– Юра – мудака, – наконец сказал Артём.

– Я знаю.

– Но если тебе правда нравится...

– Мне нравится, как он смеётся, – призналась Вика.

Артём повернулся к ней. Его лицо в лунном свете казалось вырезанным из мрамора.

– А мне нравится, как «ты» смеёшься.

И в этот момент Вика поняла, что запуталась окончательно.

Вика заметила это в первую же неделю. Лера, её Лера, которая всегда смеялась над мальчишками и называла их "пустышками", теперь то и дело задерживала взгляд на Юре. А он, этот самоуверенный идиот с острыми скулами, отвечал ей тем же – ухмылкой, шутками, нарочито небрежными прикосновениями. Вика молчала. Хотя была огорожена тем, что Лера знала, как он нравится Вике и всё равно с ним заигрывала.

Утро началось с того, что Лера ворвалась в класс, сияя как новогодняя гирлянда.

– Смотри что у меня есть! – Она сунула Вике под нос руку.

На тонком пальце сверкало серебряное колечко – простое, без камней, но от этого ещё более элегантное.

– Юра подарил, – прошептала Лера, как будто это была какая-то священная тайна.

Вика почувствовала, как что-то холодное и тяжёлое опускается у неё в животе.

– Красивое, – выдавила она.

Перед уроком физкультуры Вика неожиданно схватила Леру за руку:

– Ты не боишься потерять кольцо? Нас же ждёт кросс или ещё какая-то жесьть.

Лера нахмурилась:

– Ой, правда. Я даже не подумала.

– Сними, положи в рюкзак, – Вика сделала максимально безразличное лицо. – Безопаснее будет.

Лера послушно стянула кольцо и сунула его в карман своего рюкзака, висевшего в раздевалке.

Вика наблюдала за этим, словно во сне. Когда все выбежали в зал, Вика задержалась. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно на весь этаж. Она подошла к рюкзаку

Леры. "Не делай этого", – кричал внутренний голос. Но руки уже сами потянулись к карману. Кольцо было холодным и невероятно маленьким в её пальцах. Вика оглянулась. Никого. Она подошла к старому полу в углу раздевалки, где доски давно отходили друг от друга, образуя узкие щели. Разжала пальцы. Серебро блеснуло в воздухе и бесшумно исчезло в темноте. На уроке Вика бежала кросс так, словно за ней гнались демоны.

– Ты чего так несёшься? – запыхавшись, спросила Лера на финише.

– Просто... захотелось, – Вика избегала смотреть ей в глаза.

Когда они вернулись в раздевалку, Лера полезла в рюкзак.

– Странно, – пробормотала она.

– Что? – голос Вики прозвучал неестественно высоко.

– Кольцо... вроде было тут.

Вика пожала плечами:

– Может, выпало?

Лера перерыла весь рюкзак, потом осмотрела пол.

– Ладно, – она вдруг махнула рукой. – Ну и фиг с ним. – И улыбнулась.

Вика ожидала слёз, истерики – чего угодно, но не этого.

– Ты... не расстроена?

– Немного, – Лера вздохнула. – Но это же просто колечко.

И тут Вику накрыло. Она украла.

Лера объявила о своём решении громко и безжалостно – прямо посреди школьного коридора, так, что даже самые шумные одноклассники замолчали, затаив дыхание.

– Всё, Юра, хватит. Ты мне надоел.

– Ты что, совсем... – Юра покраснел до корней волос.

– Я серьёзно. Не пиши, не звони, не подходи.

И повернулась к Вике, которая стояла в двух шагах, сжав в руках учебники так, что пальцы побелели:

– Пошли, а то опоздаем на химию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.